К-КМ
Р.127.948
Г. Дума

127.948

19. ДЕК. 1918

ПЕРВЫЕ ШАГИ

БЫВШЕЙ

ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ.

В. Герье.

МОСКВА.
Т—во „Печатня С. П. Яковлева". Петровка, Салтык. пер., д. Т—ва, № 9.
1907.

9/47/905

ПЕРВЫЕ ШАГИ

БЫВШЕЙ

ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ.

ПРОВЕРЕНО 1944

Ростовская н.Д. Городская 1889 г. Публичная библіотека

Г42,9
393,9

В. Герье.

Ревизія 1917-1918 г.

1999

БИБЛИОТЕКА
им. К. Маркса

МОСКВА.
Т—во „Печатня С. П. Яковлева". Петровка, Салтык. пер., д. Т—ва, № 9.
1907.

Библиотека
Ростов н-Д.
3
127.948
им. К. Маркса.
книгохранилище

Проверено
1937—38 г.

Ростовская н. Д. Городская публичная библіотека 1886 г.
8 ... 71

Первые шаги бывшей Государственной Думы.

Глава центральнаго комитета „кадетской“ партіи далъ знать по всей линіи, что предположено въ предстоящей кампаніи держаться новой тактики, но что программа должна остаться прежняя: „Общая директива [1]) для избирательной платформы уже дана рѣшеніями гельсингфорскаго съѣзда. Эти рѣшенія кладутъ въ основу платформы—отвѣтный адресъ Государственной Думы“.

Это сообщеніе придаетъ адресу, многими уже забытому, новый интересъ и практическое значеніе. Только знакомство съ адресомъ и высказанными при его обсужденіи взглядами можетъ дать избирателю ясное представленіе о положеніи дѣла и служить для него руководствомъ въ избирательной борьбѣ. Только помня адресъ и сопровождавшія его рѣчи, избиратель не впадетъ въ заблужденіе

---

[1]) „Вѣстн. парт. Н. С.“ № 35, ст. 1783.

относительно истинныхъ цѣлей „кадетской“ партіи и не увлечется новой, болѣе успокоительной тактикой. Лозунгомъ прежней тактики былъ немедленный *штурмъ* вражескихъ позицій. „Кадеты“ полагали, что какъ нѣкогда пали стѣны Іерихона отъ трубныхъ звуковъ древнихъ евреевъ, такъ падетъ въ прахъ правительственная твердыня отъ громовъ, исходившихъ изъ устъ депутата Родичева и его товарищей. Но твердыня устояла и теперь рѣшено взять ее продолжительной *осадой*.

27 апрѣля 1906 г. послѣдовало открытіе Государственной Думы и избраніе ея предсѣдателя; 30 апрѣля была избрана комиссія изъ 33 членовъ для составленія проекта адреса на тронную рѣчь. Весьма любопытенъ составъ этой комиссіи, которой былъ порученъ знаменательный въ жизни русскаго народа памятникъ—великое слово русскаго народнаго представительства въ отвѣтъ на рѣчь Государя, привѣтствовавшаго лучшихъ людей Россіи: ядро комиссіи представляли наиболѣе извѣстные вожди „кадетовъ“ въ числѣ 13; къ этому числу близко подходили (10) *трудовики*, почти всѣ съ весьма неважнымъ образовательнымъ цензомъ, но въ своихъ вожделѣніяхъ опередившіе „кадетовъ“. Одинъ изъ нихъ пріобрѣлъ извѣстность заявленіемъ: „тамъ, гдѣ кончаются требованія партіи народной свободы,

начинаются мои". Затѣмъ, слѣдовало 7 автономистовъ, разрозненныхъ между собою по національности и интересамъ; наконецъ, депутаты съ правой стороны—гр. Гейденъ и Стаховичъ и одинъ рабочій—соціалистъ. Одинъ изъ автономистовъ состоялъ до выборовъ студентомъ 2-го курса одного изъ ветеринарныхъ институтовъ (27 лѣтъ). Если изъ числа членовъ комиссіи вычесть автономистовъ и евреевъ съ ихъ спеціальными интересами, остается 24. Не говоря о депутатахъ, состоявшихъ до своего избранія членами различныхъ нелегальныхъ обществъ и союзовъ, въ числѣ 24 было 7 лицъ, подвергнувшихся административнымъ карамъ, и 8 лицъ, которымъ по ихъ образовательному цензу было не мѣсто въ комиссіи, рѣшавшей въ этотъ моментъ судьбу Россіи.

Составленный этой комиссіей проектъ отвѣта былъ внесенъ въ Думу въ печатномъ видѣ въ засѣданіи 2-го мая. Но вмѣсто 2 часовъ проектъ былъ розданъ только къ 7 часамъ вечера. Это обстоятельство было поводомъ къ такому характерному для Государственной Думы случаю, что его нельзя пройти молчаніемъ. „Бѣглый просмотръ проекта,—говоритъ одинъ изъ участниковъ засѣданія, членъ Екатеринославской народной партіи, депутатъ Способный,—убѣждалъ, что въ немъ затронуты важнѣйшіе во-

просы, для добросовѣстнаго обсужденія которыхъ нужны не часы и не дни". Вслѣдствіе этого группа крестьянъ, поддержанная и другими депутатами, подала предсѣдателю заявленіе, въ которомъ они просили отложить обсужденіе до слѣдующаго дня, въ виду чрезвычайной важности акта и невозможности безъ предварительнаго разсмотрѣнія его на дому сознательно отнестись къ нему. Заявленіе было подписано 33 членами, почти исключительно изъ крестьянъ, къ которымъ присоединились еще 11 депутатовъ: гр. Гейденъ, два священника и депутатъ Байдакъ, управ. Московско-Виндавской жел. дороги. Однако, отсрочкѣ воспротивился деп. Родичевъ. „Я второй разъ,—заявилъ онъ,—обращаю ваше вниманіе на то, что въ настоящее время на насъ обращены глаза не только всей страны, но всего міра—а это не шутка!" При этомъ онъ утѣшалъ подписавшихъ заявленіе депутатовъ, что они могутъ *усвоить* себѣ значеніе проекта послѣ того, какъ онъ будетъ въ Думѣ освѣщенъ со всѣхъ сторонъ. „Зачѣмъ же начинать работу въ уединенномъ размышленіи" и т. д. Ему отвѣтилъ гр. Гейденъ, что „послѣ обсужденія адреса уже поздно о немъ размышлять". Чтобы участвовать въ его обсужденіи, надо адресъ прочесть, надо его знать, надо взвѣсить каждое слово. Указавъ на громадное количе-

ство крестьянъ въ Думѣ, депутатъ говорилъ, что „они имѣютъ полное право просить насъ быть терпѣливѣе, и хотя, можетъ быть, весь міръ ждетъ отъ насъ отвѣта, придется помириться съ нетерпѣніемъ всего міра“. Проф. Ковалевскій также поддерживалъ предложеніе отклонить отсрочку. Напрасно одинъ изъ подписавшихъ заявленіе, депутатъ Ильинъ, волостной старшина изъ Подольскаго уѣзда, „ходатайствовалъ передъ членами Гос. Думы, болѣе образованными, уважить ихъ просьбу, дать имъ возможность разсмотрѣть проектъ на мѣстѣ, вдуматься и болѣе сознательно къ нему отнестись“. На заявленіе деп. Родичева, что сущность адреса выяснится изъ преній, крестьянскій депутатъ отвѣтилъ: „какъ я могу дѣлать возраженіе, когда я съ проéктомъ не знакомъ“. Онъ закончилъ заявленіемъ: „отказъ вашъ мы будемъ считать для себя нѣкоторымъ насиліемъ и неуваженіемъ къ нашему ходатайству“.

Но упрекъ въ насиліи нисколько не смутилъ большинство. Одинъ изъ его представителей, депутатъ-трудовикъ, который такъ отчетливо опредѣлялъ свое отношеніе къ „кадетамъ“, выразилъ опасеніе, что, въ случаѣ отсрочки преній, Государственный Совѣтъ составитъ свой адресъ съ ходатайствомъ объ амнистіи, и на основаніи его послѣдуетъ Высочай-

шій Манифестъ, гдѣ будетъ сказано: „снисходя къ просьбѣ Государственнаго Совѣта“ и т. д. „Тогда Дума пусть подумаетъ о томъ, что скажутъ, кто далъ свободу тѣмъ преступникамъ, о которыхъ мы цѣлый день въ ладоши хлопаемъ и больше ничего не дѣлаемъ“. Слѣдовавшій за нимъ „кадетъ“, изъ малороссійскихъ крестьянъ, по другой причинѣ высказался противъ отсрочки преній: „Я самъ крестьянинъ и прекрасно понимаю: откладывать некогда и разсуждать нечего. Іисусъ сказалъ, „взялся за плугъ, не оглядывайся назадъ, а кто не понимаетъ, тотъ, нэхай, тогда не оглядываїся“.

Кн. Волконскій, говорившій въ пользу того, чтобы Дума не отказывала депутатамъ, желавшимъ познакомиться съ проектомъ адреса до начала преній, очень хорошо возразилъ своимъ товарищамъ, настаивавшимъ на спѣшности дѣла въ виду амнистіи. Проф. Ковалевскому онъ указалъ, что Государю желаніе Думы уже извѣстно—этотъ вопросъ уже разсматривался въ *двухъ* предшествовавшихъ засѣданіяхъ—и потому отсрочка преній объ адресѣ на одну ночь не существенна для дѣла. Депутату Назаренку, опасавшемуся, что Государственный Совѣтъ перебьетъ у Думы рекордъ, онъ отвѣтилъ: „Да, сдѣлайте милость! Надо будетъ благодарить за это судьбу, и если это будетъ сдѣлано сейчасъ

не по нашему собственному почину, а правительствомъ, то кромѣ благодарности ничего за это сказать нельзя. Остается только порадоваться".

Но депутатъ-трудовикъ изъ волостныхъ писарей поспѣшилъ сообщить о сдѣланномъ имъ „настоящемъ открытіи". „Во время перерыва,—сказалъ онъ,—мнѣ пришлось быть въ коридорахъ;—къ великому сожалѣнію,—мнѣ пришлось видѣть, какъ предлагали подписывать этотъ адресъ *некрестьяне*— о томъ, отложить ли обсужденіе адреса до завтрашняго дня или обсуждать сегодня".

Однако, о томъ, что происходило въ коридорахъ, мы имѣемъ извѣстіе и съ другой стороны. Въ кулуарахъ, по сообщенію депутата Способнаго [1]), одинъ изъ членовъ большинства говорилъ: если мы отложимъ пренія до завтра, то этимъ дадимъ вамъ возможность представить намъ возраженія, противъ которыхъ мы не успѣемъ подготовиться. Г. Способный добавляетъ, что послѣ этого случая, показавшаго отношенія большинства къ меньшинству, у четырехъ—пяти членовъ возникло намѣреніе подать въ отставку, но эта мысль по обсужденіи была оставлена „за преждевременностью". Этотъ незначительный, повидимому, *случай* представляетъ

---

[1]) «Сообщеніе о Гос. Думѣ». Екатеринославъ, 1906 г.

собою важный симптомъ: онъ показываетъ, какъ съ перваго дня „кадеты“ пріучали своихъ товарищей къ дисциплинѣ, и объясняетъ, почему масса безпартійныхъ и крестьянъ такъ скоро исчезла въ думской пучинѣ.

Послѣ этого былъ прочтенъ докладчикомъ комиссіи, депутатомъ Набоковымъ, отвѣтъ на тронную рѣчь. Въ этой „фотографіи“ первой Государственной Думы, какъ выразился одинъ изъ ея членовъ, можно отмѣтить 15 отдѣльныхъ пунктовъ, которые легко распредѣляются на четыре группы. Во главѣ идутъ пункты, заключающіе въ себѣ требованія *капитуляціи* правительства передъ Государственной Думою. Не даромъ „кадетскій“ вождь уподобляетъ въ настоящее время образъ дѣйствій первой Думы штурму крѣпости. Условіями капитуляціи были: упраздненіе Государственнаго Совѣта, отвѣтственность министровъ въ смыслѣ зависимости ихъ отъ большинства Государственной Думы и отмѣна *основныхъ законовъ*, ограничивающихъ ея законодательную дѣятельность, т.-е. установленіе полновластной Думы; во вторую группу приходится помѣстить требованія, имѣвшія въ виду *разоруженіе* правительства: отмѣна всякаго рода охраны, политическая амнистія и немедленная отмѣна смертной казни. Въ третью группу входятъ

требованія, разсчитанныя на привлеченіе *массъ*: принудительное отчужденіе частновладѣльческихъ земель (безъ упоминанія о выкупѣ) вообще, избирательное право, общее равенство, семь свободъ (личности, совѣсти, слова, печати, союзовъ, собраній и стачекъ) и мѣстное самоуправленіе на основаніи всеобщаго избирательнаго права; послѣдняя группа состоитъ изъ указаній, въ общихъ чертахъ, на реформы въ области соціальныхъ нуждъ, общаго избирательнаго права, національностей и просвѣщенія.

Не менѣе содержанія знаменателенъ *тонъ* адреса. Составители адреса ведутъ рѣчь не какъ представители русскаго народа, *впервые* призванные Государемъ къ участію въ законодательствѣ, а какъ уполномоченные какого-то *особаго* народа, объявляющіе *свои* условія. Они ясно высказываютъ, что лишь по принятіи поставленныхъ ими условій Государственная Дума примется за дѣло, для котораго она призвана,—будетъ „возможна спокойная и правильная работа Государственной Думы“; безъ принятія ихъ условій—„никакое умиротвореніе страны невозможно“, т.-е. Дума будетъ на военномъ положеніи по отношенію къ правительству. Когда же на третій день преній, передъ заключеніемъ ихъ, безпартійный крестьянинъ Бочаровъ въ ду-

шевной наивности предложилъ закончить адресъ словами: „народные представители свидѣтельствуютъ Вашему Императорскому Величеству свою вѣрноподданническую преданность“,—находчивый депутатъ Набоковъ возразилъ ему, что Дума, обращаясь къ Монарху, является передъ нимъ не какъ состоящее изъ его подданныхъ учрежденіе. Но знали ли товарищи депутата Набокова, что въ другихъ конституціонныхъ монархіяхъ законодательныя функціи не мѣшаютъ парламентамъ привѣтствовать своихъ монарховъ, и что въ такихъ случаяхъ только соціалисты спѣшатъ бѣжать изъ залы, чтобы не слышать *обычныхъ* привѣтственныхъ клико въ?

Помимо, однако, содержанія и тона адреса, его смыслъ и значеніе всего болѣе выясняются изъ преній по поводу его. Эти пренія, которыя большинство не захотѣло отсрочить до слѣдующаго утра, продолжались съ вечера 2 мая до 3 часовъ 30 м. пополуночи 5 мая.

Чтобы разобраться въ этихъ крайне разнообразныхъ проявленіяхъ политическихъ страстей, выслушаемъ сначала ораторовъ изъ числа членовъ самой комиссіи, которые являлись защитниками и истолкователями внесеннаго ими текста адреса.

Докладчикъ депутатъ Набоковъ, при чтеніи про-

екта адреса, ограничился небольшимъ вступленіемъ. Торжественную рѣчь на мотивъ „Громъ побѣды раздавайся“ взялъ на себя деп. Родичевъ. Онъ старался выставить адресъ „изъявленіемъ“ не партіи, не партій, а „исходящимъ отъ всего народа, общенароднымъ заявленіемъ“. Онъ говорилъ объ обновленіи „*нравственнаго* облика Русской земли. Да, нравственнаго!“ Онъ говорилъ о задачѣ водворить въ Россіи тотъ государственный строй, при которомъ власть является хранителемъ незыблемаго *права*. Онъ выражалъ надежду, что нынѣшняя Дума и теперешній составъ ея оставятъ въ русскомъ строѣ „законодательный памятникъ, на который внуки и правнуки будутъ ссылаться, какъ на завѣтъ свободы, священный ковчегъ ея“ (Выборгское воззваніе?).

Отсюда онъ перешелъ къ *трудностямъ*; первая изъ нихъ—Государственный Совѣтъ,—этотъ посредникъ между Монархомъ и народнымъ представительствомъ. „Не будь его, мы смотрѣли бы въ будущее съ упованіемъ и вѣрой; теперь вмѣсто этого у насъ есть сомнѣніе, но вмѣстѣ съ тѣмъ и рѣшимость заплатить ту цѣну, которая нужна для того, чтобы преодолѣть это препятствіе“.

Отъ легкой угрозы ораторъ перешелъ въ ласковый тонъ: „Если бы люди, стоящіе предъ лицомъ

Монарха, ему докладывающіе и осуществляющіе его велѣнія, если бы тѣ люди могли сказать про себя, что они пользуются довѣріемъ народныхъ представителей!“ „Громкія слова“—отвѣтственность министровъ передъ Монархомъ—оратора не удовлетворяли: „мы вѣдь не знаемъ“, заявилъ онъ, „что докладывается Монарху“. „Сколько крови“, воскликнулъ ораторъ, „скрыто подъ горностаевой мантіей, покрывающей плечи Государя Императора!“ Ораторъ закончилъ амнистіей. „Мы ждемъ ея. Но, господа, если бы рушились наши надежды, если бы попрана была наша вѣра, на насъ все-таки остается обязанность осуществить обновленіе Россіи и безъ этого не уходить!“

Стараго, испытаннаго „кадета“ замѣнилъ на трибунѣ недавно пріобщившійся—изъ профессоровъ исторіи. Польза этой науки немедленно обнаружилась. Рѣчь оратора была безукоризненно построена на антитезахъ, по образцу рѣчей въ Histoire Parlementaire. „Если вы,—взывалъ онъ къ депутатамъ,—никогда не тяготились тѣмъ старымъ самовластнымъ строемъ, который такъ быстро ускользаетъ изъ-подъ ногъ спотыкавшейся бюрократіи и т. д. (12 строкъ),—то вы не должны присоединиться къ этому адресу...“ „Если вы каждое собраніе считаете мятежомъ, каждый союзъ признаете крамолой и т. д., то вы не

должны присоединяться къ этому адресу. Если вы примирились съ безумно-высокими цѣнами на чай и сахаръ, на спиртъ и керосинъ, если вы видите въ Государственной Думѣ торгово-промышленное товарищество на паяхъ и т. д., то вы не должны присоединяться къ этому адресу".

„Но, если вы дѣйствительно жаждете, какъ воздуха и воды, *пяти* свободъ (у оратора насчитано на самомъ дѣлѣ даже восемь), если вы, крестьяне, товарищи по Г. Д., пришли сюда, чтобы *взять* расширеніе вашихъ земельныхъ надѣловъ и запашекъ и т. д. (12 строкъ), то вы должны сегодня присоединиться къ адресу". Обратившись къ крестьянамъ, ораторъ посвятилъ свою рѣчь земельному вопросу, утверждая, что аграрная программа его партіи не соціалистическій бредъ, какъ будутъ говорить ея противники, а повтореніе земельной реформы 1861 года. Затѣмъ, поднявшись восторженнымъ взоромъ надъ землей, онъ пригласилъ всѣ народы, населяющіе Россійскую Имперію, подняться по ступенямъ образованности до тѣхъ высотъ общечеловѣческой культуры и общечеловѣческаго знанія, гдѣ царитъ единая мысль и единая нравственная атмосфера".

Если первая часть рѣчи напоминаетъ 90-ые годы XVIII вѣка, то приглашеніе товарищей-крестьянъ

взять расширеніе своихъ надѣловъ переноситъ насъ въ болѣе отдаленную эпоху, когда ученые богословы бросали свою латынь, чтобы проповѣдывать крестьянамъ на апокалипсическомъ языкѣ о присвоеніи чужихъ земель.

Но какъ еще далеко было до туманныхъ высотъ, гдѣ царитъ единая мысль, которую прозрѣвалъ проф. Щепкинъ, постарался доказать слѣдовавшій за нимъ ораторъ-„кадетъ“, деп. Сафоновъ [1]), который придалъ обсуждавшемуся адресу къ Государю совсѣмъ иное значеніе. „Это не простая любезность людей съ Монархомъ,—сказалъ онъ: это провозглашеніе принциповъ; это обращеніе важно сейчасъ не столько для Государя, сколько для страны. Мы должны поставить тѣ вѣхи, по которымъ мы должны уйти отъ царства произвола и насилія и приблизиться къ новому царству справедливости, права и законности, и, мало того, въ адресѣ долженъ вылиться весь народный гнѣвъ, все народное горе, всѣ его страданія; не даромъ первую Думу Государственную по справедливости называютъ Думою народнаго гнѣва“. „Народъ снабдилъ

---

[1]) Род. въ 1868 г. Прошелъ приходское казанское землед. училище и Петровскій с.-хоз. институтъ. Гласн. у. и губ. земства Костром. губ. Свѣдѣнія заимствованы изъ состав. М. Боіовичемъ списка членовъ Г. Думы. Изд. Сытина.

насъ чрезвычайными полномочіями, и если мы не обладаемъ формальной силою власти, то въ его представленіи мы олицетворяемъ принципъ народовластія; въ его представленіи мы реальная сила, могущая осуществить все то, что сказано... Не воспользоваться настроеніемъ страны, ея глубокою вѣрою въ Думу нельзя. Если этотъ адресъ будетъ принятъ Думою, въ чемъ я не сомнѣваюсь, то пусть знаютъ всѣ, что это выраженіе воли народа, воли непреклонной, и потому всѣ его требованія должны быть исполнены; противостоять ему было бы простымъ безумiемъ. Это минимумъ того, что должно быть исполнено, изъ чего не можетъ быть уступлено ни одной пяди". Эта рѣчь уже вводитъ насъ въ область мыслей трудовиковъ, которыхъ одинъ изъ нихъ, проф. Локоть, характеризуетъ партіей стихійной революціи. Ихъ вождь, деп. Жилкинъ, старался въ это время быть умѣреннѣе; привлеченный къ участію въ составленіи адреса, онъ почелъ своимъ долгомъ его защищать и призывать своихъ единомышленниковъ къ единенію съ кадетами. Но вся рѣчь его проникнута какимъ-то смущеніемъ за эту умѣренность и желаніемъ оправдаться за нее. „Сегодня,—началъ онъ,—жуткій экзаменъ для Государственной Думы, сегодня испытаніе нашего мужества, нашей правдиво-

Р. 127.948

сти, нашего пониманія того историческаго, необыкновеннаго положенія, въ которомъ находится наша страна“. Онъ признается, что результатъ экзамена—адресъ—его не удовлетворяетъ. „Мы не сумѣли сказать такое слово и мы его не скажемъ“. Онъ оправдывается неблагонадежнымъ составомъ Государственной Думы. „Здѣсь люди собрались разныхъ воззрѣній, разныхъ классовъ, разныхъ положеній, люди нищеты, люди богатства и достатка. Вотъ то проклятое плошлое, которое мы будемъ пробовать зачеркнуть навсегда. Мы среди людей, на которыхъ лежитъ неизгладимая печать этого прошлаго, мы сюда пришли съ различными психологіями“. Несмотря на это, онъ уговариваетъ „товарищей-крестьянъ и рабочихъ примириться“. „Не будемъ на первыхъ же порахъ вносить раздора“. Онъ чувствуетъ, что имъ „будутъ посылать укоры“, онъ ждетъ ихъ со страхомъ, но проситъ товарищей вѣрить, что „мы пробовали сказать“, и утѣшаетъ ихъ тѣмъ, что рѣчи, которыя раздаются въ Думѣ, послужатъ *добавленіемъ* къ адресу.

Трудовикъ Аладьинъ [1]) просилъ простить ему,

---

[1]) Род. въ 1873 г. Сынъ кр., изъ Ставропольскаго уѣзда. Учился въ нар. уч., въ гимн. и въ Каз. унив. Въ 1896 г. былъ арестованъ и послѣ 9-мѣс. заключенія уѣхалъ въ Бельгію, гдѣ работалъ монтеромъ на электрическомъ заводѣ.

если онъ будетъ говорить въ торжественномъ тонѣ. „На праздникѣ народной свободы, когда пишется хартія русскому народу, нѣтъ мѣста будничному тону“. Но онъ скоро оставилъ этотъ тонъ и сталъ оправдываться въ томъ, что въ адресѣ говорится о рабочихъ только въ 6 строкахъ; онъ увѣрялъ, что онъ, „*крестьянинъ*“, пришелъ въ Думу, считая „своей главной задачей пробить брешь“ въ стѣнѣ. раздѣляющей десятки лѣтъ крестьянина и рабочаго, и что „если вы посмотрите отвѣтъ на тронную рѣчь, то отъ начала до конца въ немъ будутъ сквозить идеалы рабочаго класса“.

Но патетическія рѣчи авторовъ адреса и ихъ союзниковъ слѣва не были въ состояніи увлечь и задобрить все собраніе. Въ Думѣ было не мало ораторовъ, которымъ даже „кадетская“ тактика казазалась позорной умѣренностью. „Проектъ отвѣта комиссіи,—заявилъ депутатъ Тесля [1]),—вѣетъ спокойствіемъ, холодомъ, удовлетворенностью и скорѣе потому походитъ на извиненіе передъ тѣмъ вѣроломнымъ правительствомъ, которое по своей снисходительности дало намъ возможность засѣдать здѣсь. Насъ какъ бы гладитъ по головкѣ тотъ же

[1]) Род. въ 1880 г. Крест. Полт. губ., окончилъ курсъ въ Полт. школѣ садоводства и огород. и въ Уманьскомъ земледѣл. училищѣ.

разсвирѣпѣвшій бюрократизмъ, задавившій въ человѣкѣ гражданина, тотъ бюрократизмъ, противъ котораго требуютъ отъ насъ безпощадной борьбы. Адресъ какъ будто воздаетъ должное правительству за его снисхожденіе къ намъ, благодаря которому мы не были его жестокимъ усердіемъ превращены въ пушечное мясо“.

Обстоятельнѣе, чѣмъ этотъ воспитанникъ школы садоводства и огородничества, высказался другой трудовикъ, деп. Н. Семеновъ [1]). Онъ находилъ въ адресѣ недостаточно рѣшимости; онъ не настаивалъ на болѣе рѣзкихъ выраженіяхъ, но полагалъ, что „адресъ не выражаетъ полностью всего того, чѣмъ полна страна, чего она желаетъ и какъ она желаетъ“. „Лозунгъ,—пояснилъ онъ,—когда-то небольшой кучки интеллигенціи, раздавшійся 40 л. тому назадъ такъ слабо,—*земля и воля*—сталъ теперь боевымъ кликомъ по всѣмъ концамъ Россіи“. „Нельзя предполагать,—сказалъ онъ далѣе,—чтобы можно было какими-нибудь средними мѣрами удовлетворить крестьянство и народныя требованія“. Деп. Семеновъ соглашался, что *парламентаризмъ*, ука-

---

[1]) Род. въ 1860 г. Былъ исключенъ изъ Спб. унив., держалъ экзаменъ экстерномъ въ Каз. 1892 г. Работалъ по статистикѣ. Сидѣлъ 5 мѣс. въ Петропавловской крѣпости. Прис. пов.

занный въ адресѣ, могъ бы быть хорошимъ, такъ сказать, рулемъ государственной жизни. „Но въ такое бурное время, которое мы переживаемъ, одинъ парламентаризмъ недостаточенъ, онъ не можетъ насъ привести въ тихую пристань. Я полагаю, что только та власть, которая будетъ облечена полнымъ довѣріемъ народа, можетъ вывести насъ изъ того крайняго положенія, въ которомъ находится Россія. Можетъ быть, многіе думаютъ, что здѣсь и гдѣнибудь въ другихъ мѣстахъ народъ остановится на полдорогѣ и удовлетворится тѣмъ малымъ, тѣми слабыми мѣрами, въ той формѣ, которую ему предлагаютъ“. Депутатъ называлъ это страшной ошибкой: русскій народъ „идетъ до конца. Или онъ получитъ то, чего и желаетъ, или вся страна будетъ ввергнута въ анархію или разрушеніе. Это тотъ ослѣпленный Самсонъ, у котораго отросли волосы и который можетъ, сорвавъ столбы, погребсти подъ разрушенными сводами себя и всѣхъ присутствующихъ“.

Такъ былъ вызванъ въ русской Государственной Думѣ призракъ того Молоха, которому ослѣпленная молодежь приносила себя въ жертву,—Молоха, многіе годы опустошавшаго университеты и наполнявшаго тюрьмы. И изъ рядовъ ревнителей парламентаризма никто не поднялся, чтобы протестовать

противъ прославленія степного Молоха, никто изъ многочисленныхъ профессоровъ, испытавшихъ на своихъ товарищахъ и ученикахъ его гибельное вліяніе, не нашелъ себя обязаннымъ сказать свое трезвое и правдивое слово.

Напротивъ, культъ Молоха продолжалъ невозбранно проявляться въ цвѣтахъ краснорѣчія. „Земля и воля—вотъ знамя, подъ которымъ сошлись легіоны освободительной арміи!“—восторженно воскликнулъ трудовикъ Бусловъ [1]). „За древко этого знамени крѣпко уцѣпились могучія руки рабочаго класса, подъ шелестъ этого знамени мы выслушали вызовъ и оправданіе тѣхъ, кто виноватъ, и подъ шелестъ этого же знамени мы разсматриваемъ адресъ, съ которымъ намѣрены обратиться къ Государю. Адресъ этотъ, конечно, не тѣхъ, кто составляетъ силу освободительнаго движенія“. На этотъ шелестъ отозвался и членъ сызранской земской управы изъ крестьянъ, деп. Андреановъ [2]). „Мы посланы сюда народомъ для того, чтобы добыть для него, во что бы то ни стало, *землю и волю*... Безъ этого мы не можемъ возвращаться домой, народъ заклеймитъ

---

[1]) Род. въ 1875 г., ученикъ Гомельскаго техническаго жел.-дор. училища и членъ ж.-д. союза.

[2]) Род. въ 1870 г. Предс. сызр. кр. союза, былъ арестованъ и выпущенъ передъ избр. Скончался 16 мая.

насъ измѣнниками; намъ грозитъ отъ него даже позорная смерть. Умремъ здѣсь, чтобы добиться того, что народъ повелѣлъ!“ Это заявленіе очень знаменательно. Андреановъ былъ предсѣдателемъ мѣстнаго крестьянскаго союза и за это подвергся аресту,—т.-е. волновалъ крестьянъ и опасался тѣхъ, кого самъ возбуждалъ. Судьба однако скоро избавила его отъ этого страха: онъ умеръ черезъ нѣсколько дней послѣ произнесенной имъ рѣчи. Эта рѣчь, впрочемъ, является также образчикомъ спутанности политическихъ понятій среди его партіи. Д. Семеновъ противополагалъ лозунгъ „земля и воля“ парламентаризму,—Андреановъ заявилъ: „въ государствѣ безповоротно должно быть конституціонное правленіе“.

Вслѣдъ за Андреановымъ говорилъ другой депутатъ съ Волги, трудовикъ Литвиновъ [1]). Онъ находилъ, что проектъ адреса носитъ неопредѣленный характеръ, потому что „хотѣли примирить непримиримое, хотѣли примирить всѣ партіи, которыя здѣсь есть“, и потому онъ настаивалъ, чтобы адресъ былъ болѣе рѣшителенъ и опредѣленъ. Особенную неопредѣленность усматривалъ депутатъ въ земельномъ вопросѣ. Когда онъ уѣзжалъ, кресть-

[1]) Род. въ 1872 г., уволенъ съ послѣдняго курса Вольской учительской семинаріи.

яне ему говорили: „мы единственно надѣемся на Думу. Если она не добудетъ намъ земли и воли, то мы сами добудемъ ее“. По увѣренію депутата, это говорили „не молодые люди, не выскочки, а крестьяне, которые не пропускаютъ ни одной обѣдни, которые произносятъ имя Государя Императора съ благоговѣніемъ, какъ имя Бога“. Поэтому депутатъ предлагалъ внести въ этотъ вопросъ „больше ясности“. „Ни для кого не секретъ, что для надѣленія крестьянъ землею нужно отобрать всю частновладѣльческую землю и передать ее въ руки народа“.

По этому поводу саратовскій депутатъ счелъ нужнымъ возразить графу Потоцкому, утверждавшему, что отобраніе земли у лучшихъ хозяйствъ повлечетъ за собою банкротство Россіи. Хотя г. Литвиновъ состоялъ „дѣятельнымъ членомъ общества приказчиковъ“, банкротство Россіи его мало тревожило. „Она уже давно стоитъ на краю банкротства“, заявилъ онъ, „и только Франція, предательница интересовъ русскаго народа, спасла насъ отъ банкротства“! Депутату слѣдовало бы пожелать больше ясности и опредѣленности не только адресу, но прежде всего самому себѣ. Крестьяне, произносящіе имя Государя, какъ имя Бога, „земля и воля“, признаніе, что Франція спасла насъ отъ банкротства

и что она предательница интересовъ русскаго народа,—все это въ одной головѣ! Къ этимъ ревнителямъ „земли и воли“ съ Волги присоединился и курскій деп. Кутомановъ [1]), служившій передъ выборами статистикомъ, при Саратовскомъ городскомъ управленіи. „Я—крестьянинъ, избранъ отъ волостного собранія. Мнѣ сказали: поѣзжай, требуй и защищай требованіе земли и воли, свободы и права. Мнѣ сказали, что если Дума въ скоромъ времени не займется рѣшеніемъ этого вопроса и не разрѣшитъ его такъ, какъ мы его требуемъ, то мы сами его разрѣшимъ“. Объ адресѣ этотъ депутатъ отзывался съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ: „Много въ этомъ пунктѣ, господа, хорошихъ вещей, но такъ какъ онъ будетъ читаться во всей странѣ и будетъ читаться такъ, какъ онъ тутъ написанъ, то они (избиратели) едва ли что-нибудь вынесутъ отсюда. Слишкомъ много недоговореннаго, слишкомъ много скромности, можетъ быть, почтенія даже“.

Къ ревнителямъ „земли и воли“, недовольнымъ адресомъ, присоединились и спеціальные ходатаи за интересы рабочаго класса. Образцомъ ихъ можетъ слу-

---

[1]) Род. въ 1871 г. Крест. Вор. губ. Окончилъ земскую школу. Служилъ въ экономіяхъ батракомъ и конторщикомъ и на рудникахъ шахтеромъ и слесаремъ.

жить деп. Михайличенко [1]). Рѣчь его заслуживаетъ тѣмъ болѣе вниманія, что въ то время, до прибытія депутатовъ съ Кавказа, онъ является и представителемъ соціалъ-демократической группы. Свое мнѣніе объ адресѣ онъ выразилъ слѣдующимъ образомъ: „Мы идемъ искать справедливости; на нашемъ знамени написано что-то высокое, не то, что здѣсь говорится,— что то половинчатое, какія-то недоговорки, какая-то нерѣшительность. Нѣтъ, я вамъ, господа, долженъ сказать, какъ представитель рабочихъ, какъ испытавшій на своей шкурѣ (голова на половину перебита, два ребра переломлены), что страна защищаетъ лѣвую и никакого добра не ждетъ отъ правой, къ которой ни на одну іоту нѣтъ довѣрія". Все это сопровождалось апологіей революціонной роли рабочаго класса, „который всю жизнь свою положилъ на борьбу за лучшее будущее. А каковы причины этого? Онъ рѣшилъ себѣ разъ навсегда, что терять рабочему классу, кромѣ цѣпей, нечего". Онъ борется не какъ отдѣльный классъ, „онъ въ себѣ соединилъ всѣ классы". „Рабочій классъ самый нижній классъ, онъ не можетъ никого угнетать, онъ не можетъ никого эксплоатировать. Онъ надъ

---

[1]) Род. 1856 г. Уч. въ сельской школѣ, былъ писаремъ при штабѣ. Сидѣлъ нѣсколько разъ въ тюрьмѣ, былъ высылаемъ и увольняемъ со службы.

собою чувствуетъ все тяготѣніе всѣхъ классовъ; онъ на плечахъ своихъ держитъ совмѣстно съ крестьянами все, такъ какъ онъ есть отпрыскъ отъ крестьянъ".

Совсѣмъ въ другомъ тонѣ заговорилъ о „трудящихся массахъ" саратовскій депутатъ Бондаревъ [1]). По его словамъ, „переживаемый моментъ представляетъ собою, можетъ быть, вступленіе къ нравственному возрожденію, но прежде всего и главнѣе всего—вступленіе трудящихся массъ на политическую арену для закрѣпленія и упроченія политической власти за собою на благо и счастье трудящихся массъ". „Всѣ способы, всѣ средства,—говорилъ онъ,—прекратить возможность гнета использованы... трудящіяся массы берутся за послѣднее, за самое важное, за единственное, которое можетъ ихъ привести къ желанной цѣли; эти носители блага и счастія народа сами трудящіеся классы, самъ народъ входитъ, наконецъ, туда и борется за то, чтобы въ руки взять всю полноту законодательной власти".

Ревнители земли и воли вполнѣ сходились съ „кадетскими" авторами адреса въ озлобленіи противъ

---

[1]) Род. 1872 г. Преподаватель Вольской женской гимназіи. Прошелъ учительскій институтъ и физико-матем. факультетъ Каз. унив. въ 1903 г.

Государственнаго Совѣта. Въ этомъ чувствѣ жажда самодержавной власти однихъ сливалась съ соціальной завистью другихъ. Вслѣдъ за приведеннымъ мѣстомъ д. Бондаревъ продолжалъ: „Вѣдь, протестъ противъ Государственнаго Совѣта, созданнаго по закону 20 февраля, не есть протестъ только противъ историческаго прошлаго. Это есть протестъ противъ учрежденія, которое избирается и является представителемъ крупнаго торгово-промышленнаго капитала и крупнаго землевладѣнія. Въ этомъ протестѣ, въ этомъ замѣчательно-единодушномъ протестѣ противъ Государственнаго Совѣта сказывается то, что трудящіеся классы не могутъ раздѣлять, не могутъ согласиться на существованіе такого учрежденія, которое есть представительство не ихъ интересовъ, но интересовъ противоположныхъ классовъ,—тѣхъ классовъ, которые своею эксплоатаціей давно уже порабощаютъ трудящіеся классы“.

Другой, учитель, депутатъ Рыжковъ [1]), обратилъ больше вниманія на политическую сторону дѣла. „Указаніе на то, что Государственный Совѣтъ есть средостѣніе, не есть укоръ, а есть большая справедливость; это есть указаніе на то, что въ новую

---

[1]) Род. 1874 г. Крест., кончилъ Каз. учил. и мореходные классы. Служилъ народнымъ учителемъ, былъ уволенъ. Состоитъ завѣд. школой при заводѣ въ Луганскѣ.

постройку ставятся гнилыя и старыя бревна, которыя будутъ портить все зданіе. Это необходимо указать“ (*Взрывъ аплодисментовъ*). Ораторъ заявилъ, что „если бы всѣ примирились съ Государственнымъ Совѣтомъ на ряду съ Думою“, то не иначе, какъ при условіяхъ избранія его на основаніи всеобщаго и т. д. голосованія. „Это не должно быть классовое учрежденіе“.

Степь поднялась не только противъ Государственнаго Совѣта, но и вообще противъ основныхъ законовъ. „Учредительныя функціи намъ категорически запрещены постановленіемъ (?) 23 апрѣля“,—запротестовалъ трудовикъ Сѣдельниковъ [1]), деп. Оренбургской губерніи.—„Если бы мы могли, хотя на минуту согласиться съ неприкосновенностью этихъ законовъ, то намъ нечего было бы здѣсь дѣлать. Но мы не можемъ согласиться, и это мы должны сказать въ адресѣ“. Даже почтенный лѣтами и общественной дѣятельностью, деп. города Саратова, Токарскій [2]), выразился въ этомъ смыслѣ: „За день до того, какъ мы пріѣхали, были изданы

---

[1]) Род. 1852 г. Прис. пов., состоялъ помощникомъ у Спасовича. Гласный города, обществ. дѣятель съ 1877 г., предсѣд. общ. вспомощ. недостат. молод. людямъ, стрем. къ высшему образованію.

[2]) Род. 1871 г. Окончилъ начальное земское уч. и Уфимское землемѣрное. Землемѣръ, работаетъ въ газетахъ.

основные законы, въ которыхъ было точно выражено недовѣріе къ народнымъ представителямъ. Оно было вложено въ такого рода рамки, изъ которыхъ выходить нельзя. Въ первомъ отвѣтѣ, который мы, народные представители, даемъ, необходимо выразить именно то, что это недовѣріе должно быть уничтожено". Депутатъ заявилъ, что лишь при условіи взаимнаго довѣрія между Монархомъ и народомъ дѣло можетъ пойти, но закончилъ не вполнѣ логично: „Необходимо настойчиво проявить энергію въ самомъ себѣ, чтобы народъ весь цѣликомъ присоединился къ намъ и сказалъ: вотъ что нужно намъ. Мы останавливаемся на томъ, что въ настоящее время намъ указалъ народъ".

Мало гармонировало съ этимъ призывомъ къ взаимному довѣрію и требованіе, съ которымъ выступилъ депутатъ, „кадетъ" Миклашевскій [1]). Похваливъ проектъ адреса за спокойный и въ то же время рѣшительный и исполненный достоинства тонъ, ораторъ заявилъ, что онъ все-таки почувствовалъ съ болью въ сердцѣ въ этомъ проектѣ существенный и, на его взглядъ, даже громадный пробѣлъ. „Не можетъ остаться безнаказаннымъ то правитель-

---

[1]) Род. въ 1860 г. Бывшій членъ Харьковскаго окруж. суда, уволенный 2 марта 1906 г. по распоряженію Сената.

ство, на которое манифестомъ 17-го октября возложена была непреклонной волей обязанность даровать населенію неприкосновенность личности и свободную гражданскую жизнь. Не могутъ быть оставлены безнаказаннымп и тѣ власти, которыя исполнялп незаконныя требованія". Коснувшись амнистіи, ораторъ заговорилъ объ амнистіи для тѣхъ, кто стоитъ отъ насъ налѣво и съ которыми связаны требованіемъ всеобщаго избирательнаго права, стремленіемъ къ демократизаціи всего государственнаго строя и, добавлю, — требованіемъ учредительныхъ функцій за Думой, основанной на всеобщемъ избирательномъ правѣ". „Это были борцы за свободу, которые имѣли достаточно основаній разувѣриться въ обѣщаніяхъ правительства и не вѣрить составу Думы, основанной на томъ избирательномъ законѣ, который мы имѣемъ". Ораторъ противопоставилъ имъ тѣхъ, кто не проситъ амнистіи, а увѣренъ въ своей безнаказанности. „Но, господа, въ адресѣ сказано (о нихъ) лишь слово осужденія; недостаточно одного слова, надо осужденіе настоящимъ судомъ".

Противъ такого предложенія—начать дѣятельность русской Государственной Думы, ходатайствовавшей о помилованіи всѣхъ политическихъ заключенныхъ, съ отдачей подъ судъ правительства,—

возсталъ минскій депутатъ Массоніусъ [1]), полякъ, автономистъ: „Съ пожеланіемъ амнистіи,—сказалъ онъ,—депутатъ Миклашевскій хочетъ соединить требованіе суда надъ виновниками тѣхъ ужасовъ, которые происходили и еще происходятъ во всемъ государствѣ. Я думаю какъ разъ наоборотъ; я думаю, что не только не слѣдуетъ прибавлять къ соотвѣтственному пункту проекта такого требованія, но не слѣдуетъ оставлять этого пункта и въ томъ видѣ, въ какомъ онъ предлагается комиссіи. Не слѣдуетъ о виновникахъ этого ужаса умалчивать, а слѣдуетъ ясно и отчетливо сказать, что къ суду привлекать ихъ не надо. Надо по всему, что происходило въ то ужасное, мрачное время, желать амнистіи полной, широкой, неограниченной".

Но обѣ господствовавшія въ преніяхъ партіи поспѣшили выставить ораторовъ противъ этого умнаго, справедливаго и тактичнаго предложенія. Изъ трудовиковъ говорилъ Тесля: „Народъ требуетъ большаго, чѣмъ въ адресѣ. Онъ требуетъ устраненія отъ должности всѣхъ тѣхъ лицъ, которыя запятнали себя позоромъ, требуетъ преданія ихъ суду.

---

[1]) Род. въ 1862 г. Мелкій землевладѣлецъ. Окончилъ Минскую гимн. и Варшавскій унив. Докторъ философіи Лейпц. унив. Рядъ трудовъ по эстетической критикѣ и польской исторіи. Бывшій ред. газеты «Reforma».

Между тѣмъ, въ адресѣ этого нѣтъ". Юный воспитатель юношества при этомъ заявилъ, что если на „скромныя требованія" адреса отвѣтятъ отказомъ, мы обратимся къ народу съ слѣдующимъ заявленіемъ: мы требовали мало, но намъ и этого не дали, требуйте сами. И народъ, конечно, потребуетъ и добьется того, что ему нужно, и на что онъ имѣетъ полное право. И горе тому, кто станетъ препятствовать народу добиваться того, что ему по праву принадлежитъ. Остановить большую рѣку въ ея теченіи—безумное стремленіе, и тотъ, кто станетъ стремиться ее остановить, будетъ стѣсненъ стремительной силой на глубину дна моря, и мы споемъ ему вмѣсто надгробныхъ словъ: „собакѣ собачья смерть".

Изъ рядовъ же кадетовъ выступилъ по этому вопросу даже одинъ изъ членовъ центральнаго комитета партіи, депутатъ Протопоповъ [1]). Представитель Западнаго края г. Масоніусъ сказалъ такъ: „амнистія должна быть хорошая, и подъ нее должны подоіiти во имя забвенія и всѣ тѣ администраторы, которые какъ воду лили русскую кровь. Это невѣрная точка зрѣнія". „Мы не Шей-

---

[1]) Род. въ 1866 г. Окончилъ курсъ Спб. университета. Гласный губ. земства. Публицистъ. Былъ высланъ въ Финляндію на 3 года.

локи,—успокаивалъ ораторъ,—намъ не нужно фунта мяса изъ ихъ тѣлъ. Намъ надо, чтобы они предстали передъ лицомъ суда, чтобы они забыли, что они сверхчеловѣки... Пусть ихъ судитъ судъ, и пусть та власть, которая окажется суверенной, уже затѣмъ рѣшитъ, можно ли примѣнить къ нимъ какія-либо милости. Но пусть раньше будетъ судъ, а затѣмъ уже милость".

Здѣсь весьма загадочны слова о власти, которая *окажется суверенной*. Нужно думать, что съ точки зрѣнія „кадетовъ" и трудовиковъ, такою властью должна была быть *полновластная* Дума! А въ этомъ случаѣ участь подсудимыхъ была бы незавидна, несмотря на успокоительную перспективу самарскаго депутата.

Проектъ адреса вызвалъ, впрочемъ, хотя въ гораздо меньшемъ числѣ, возраженія съ противоположной стороны, т.-е. со стороны лицъ болѣе умѣренныхъ, чѣмъ его составители. Противъ принудительнаго отчужденія частновладѣльческихъ земель въ абсолютной формулѣ, принятой адресомъ, выступили автономисты. Оговорившись, что онъ вовсе не противникъ расширенія крестьянскаго землевладѣнія тамъ, гдѣ оно нужно, гдѣ оно полезно и отвѣчаетъ мѣстнымъ условіямъ, депутатъ

Волынской губ., гр. Потоцкій [1]), требовалъ, чтобы этотъ вопросъ разсматривался самостоятельно не только по областямъ и губерніямъ, но даже по уѣздамъ и волостямъ. Въ подтвержденіе этого онъ брался съ цифрами въ рукахъ доказать передъ какой-угодно комиссіей, что, напр., въ его районѣ такой соціальный переворотъ уменьшилъ бы на половину годовой заработокъ самого крестьянства, даже при увеличеніи ихъ теперешняго надѣла [2]).

Въ этомъ же смыслѣ высказался и другой депутатъ Волынской губерніи, Понятовскій [3]), настаивая на томъ, что Дума должна издать не одинъ законопроектъ по отчужденію земли, но цѣлый рядъ законопроектовъ по аграрному вопросу, сообразно особенностямъ различныхъ мѣстностей. Указавъ на разныя недоумѣнія, которыя должна возбуждать неопредѣленность формулы, принятой въ адресѣ, депутатъ Понятовскій высказался рѣшительно противъ націонализаціи земли и противъ отчужденія

---

[1]) Род. въ 1877 г. Получилъ высшее образованіе въ Львовѣ и Вѣнѣ.

[2]) См. объ этомъ чрезвычайно поучительную книгу проф. Новоалекс. инст. сельск. хоз. Скворцова: «Аграрный вопросъ и Госуд. Дума 1906 года» и изслѣдованіе Д. Пестржецкаго: «Пищевое довольствіе крестьянъ и принуд. отчужденіе».

[3]) Род. въ 1863 г. Прис. повѣр. Оконч. Спб. унив. Товарищъ секр. Гос. Думы.

всей частной земельной собственности. Онъ порицалъ и то, что адресъ, въ другихъ вопросахъ лишь намѣчая направленіе, по которому будетъ итти Дума, по одному этому вопросу „указывалъ одну изъ мѣръ для его осуществленія“.

Въ томъ же смыслѣ, т.-е. требуя, чтобы аграрный вопросъ былъ разрѣшенъ „при соображеніи нуждъ населенія“ и на мѣстахъ, высказался депутатъ Наконечный [1]). „Только такая постановка вопроса,—сказалъ онъ,—обусловливаетъ рѣшеніе согласно съ истинной волей народа и, слѣдовательно, только она дѣйствительно демократична“. Краткая рѣчь люблинскаго депутата замѣчательна въ двухъ отношеніяхъ. Онъ говорилъ не отъ своего только имени, но отъ имени всей польской группы. „Мы, депутаты Царства Польскаго, находимъ,—сказалъ онъ,—что надлежащее рѣшеніе аграрнаго вопроса у насъ возможно не иначе, какъ на тѣхъ началахъ, какія будутъ опредѣлены органами мѣстнаго самоуправленія и представительнымъ законодательнымъ собраніемъ края“. Затѣмъ достойно вниманія и то, что этотъ молодой депутатъ, принадлежа самъ къ *національно-демократической* партіи, въ этомъ важ-

---

[1]) Род. въ 1879 г. Крестьянинъ. Самоучка. Устроитель крест. съѣзда въ Варшавѣ въ дек. 1905 г. Былъ арестованъ и отосланъ въ Вологду.

помъ вопросѣ руководился не сословнымъ и партійнымъ интересами, а *національнымъ*. Польскіе демократы дали въ этомъ отношеніи знаменательный урокъ своихъ русскимъ товарищамъ. Кромѣ того, нужно сказать, что польскіе депутаты выступая рѣшительными противниками націонализаціи земли, явились въ первый разъ въ исторіи охранителями культурныхъ и національныхъ интересовъ русскаго народа.

Обратимся теперь къ тѣмъ русскимъ депутатамъ въ Государственной Думѣ, которые не принадлежали ни къ „кадетской“ организаціи, ни къ „стихійной революціи“ трудовиковъ. Что они говорили въ эту критическую для ихъ отечества минуту? Заговорили священники. О. Гума [1]) съ русской окраины, назвавъ Всеподданнѣйшій адресъ—„нашей фотографіей, первымъ документомъ о нашей самолично-сти“, обратилъ вниманіе на то, что въ немъ не упомянуто имя Бога, и, сказавъ нѣсколько теплыхъ, пастырскихъ словъ о связи любви къ Богу съ любовью къ „брату“, пожелалъ, чтобы „Монархъ съ правительствомъ и нами вмѣстѣ образовалъ единое царство нераздѣльное и царство Божіе мира и любви“ (*аплодисменты*).

---

[1]) Род. въ 1868 г.

Исполнилъ свой долгъ и другой священникъ съ окраины, депутатъ Волынской губ., Концевичъ [1]). Онъ призналъ правильнымъ заявленіе господина Щепкина, что проектъ адреса намѣчаетъ тотъ путь, на который Дума хочетъ вступить, но не могъ „согласиться съ г. Щепкинымъ“, что намѣченный путь—есть путь надежный и безопасный. „Онъ можетъ повести только къ тому, что народная волна выступитъ изъ береговъ и разольется по всей странѣ, и тогда дѣло, которое мы пришли создать, погибнетъ“. О. Концевичъ выразилъ увѣренность, что адресъ въ томъ видѣ, какъ онъ есть, не вызоветъ симпатіи громадной массы русскаго народа, т. к. въ этомъ адресѣ есть „духъ космополитизма“. Въ этомъ адресѣ, заявлялъ депутатъ, „почетное мѣсто должно быть отдано русскому языку и народу, какъ тому народу, который имѣетъ на то право, какъ творецъ Россіи и какъ непосредственно вынесшій на своихъ плечахъ весь гнетъ и всю борьбу за свое существованіе и свободу. Я прошу, господа, исполнить этотъ долгъ передъ родиной, совѣстью и исторіей“.

Эти выдающіяся среди безконечныхъ преній слова были вызваны заключеніями, сдѣланными

---

[1]) Род. въ 1866 г. Свящ. мѣстечка Флорешты, въ Бессарабіи.

проф. Карѣевымъ по поводу адреса. Этотъ депутатъ также исходилъ изъ „безконечной“ любви къ Россіи, но противополагалъ старой Россіи, „приносившей человѣческую личность въ жертву историческимъ традиціямъ“,—„*новую*, которая будетъ существовать не сама для себя, а для своихъ гражданъ“. Упомянувъ о декларациіи правъ человѣка и гражданина 1789 г., „которой мы еще живемъ и будемъ жить въ будущемъ“, ораторъ противопоставилъ ей слова, написанныя на „фронтонѣ тоіі Россіи, которая была для насъ подавляющей насъ *субботою*“, — вопреки евангельскому тексту, что суббота существуетъ для человѣка. Въ числѣ тѣхъ трехъ словъ была и *народность*, и ораторъ сталъ говорить о томъ, какъ народности русскоіі стали приноситься въ жертву интересы всѣхъ другихъ національностей, соединенныхъ подъ одной государственной властью. „Здѣсь мы всѣ равны“, воскликнулъ ораторъ. „Мы представители народовъ, населяющихъ Россію; среди насъ есть представители народа польскаго, народа еврейскаго, народа татарскаго и многихъ другихъ народовъ. Россія не есть только Русская земля“. „Въ Россіи, кромѣ русской земли, есть земля польская, латышская, эстская, грузинская и разныхъ другихъ національностей“.—Ораторъ пришелъ къ заключенію,

что въ адресѣ „слова *Русская* земля и *русскій* народъ слѣдуетъ замѣнить какимъ-нибудь болѣе подходящимъ къ данному случаю выраженіемъ“.— Предложеніе это имѣло значительный успѣхъ. Какъ свидѣтельствуетъ самъ ораторъ, многіе изъ находившихся въ Думѣ представителей разныхъ національностей подходили къ нему и выражали ему по этому поводу свое сочувствіе. Но противъ этого запротестовалъ, во имя же принципа національности, представитель бывшей исконной русской области, нѣкогда оторванной отъ древней Руси и подпавшей подъ чуждую ей власть. Отвѣчая иронiей на торжественную рѣчь проф. Карѣева, депутатъ Концевичъ предложилъ слѣдующую поправку: „Государственная Дума озаботится, чтобы Россія, населенная многочисленными племенами и народностями, потеряла свое своеобразіе и даже самое свое имя“. Впрочемъ, иронія прозвучала и съ другой стороны: слѣдовавшій за проф. Карѣевымъ проф. Локоть [1]), изъ трудовиковъ, началъ свою рѣчь словами: „Господа, торжественный тонъ нашихъ рѣчей, то приподнятое торжественное настроеніе, которое замѣчалось вчера и сегодня, уже,

---

[1]) Род. въ 1869 г. Сынъ казака. Проф. Ново-Алекс. сельскохозяйственнаго института. Принадлежалъ къ союзу «освобожденіе».

видимо, понизилось,—залъ опустѣлъ!“ Но это обстоятельство не расхолаживало ораторовъ: все выше и выше поднимался ихъ діапазонъ, все сильнѣе и сильнѣе закипали страсти,—и предрѣшали судьбу самой Думы.

Не всѣ, однако, священники въ Государственной Думѣ раздѣляли настроеніе своихъ собратій съ юго-западной окраины. На депутатахъ изъ *погромныхъ* губерній отразилось мѣстное настроеніе. Священникъ Поярковъ [1]) жаловался, что „высшая администрація мало довѣряетъ ораторамъ изъ рабочихъ и интеллигенціи, считая ихъ представителями не народнаго мнѣнія, а небольшой группы людей, способной къ разрушенію Россіи“. Съ своей стороны онъ утверждалъ, что адресъ не заключаетъ въ себѣ ничего такого, что противорѣчило бы убѣжденіямъ, понятіямъ и ожиданіямъ простого сѣраго мужика, и что если земельный вопросъ рѣшится иначе, чѣмъ онъ намѣченъ въ адресѣ, „въ Россіи будетъ анархія, которой еще міръ не видалъ“.

Но что же говорили сами крестьяне, засѣдавшіе въ Государственной Думѣ?—Они мало говорили: въ общихъ преніяхъ по адресу участвовалъ только

---

[1]) Род. въ 1868 г. Свящ. Валуйскаго уѣзда, Ворон. губ.

одинъ изъ нихъ, и то не настоящій, деп. Филякинъ [1]). То, что онъ сказалъ, характерно и для другихъ. Въ его краткой рѣчи прозвучали двѣ ноты—въ полномъ диссонансѣ, и онъ этого не сознавалъ. Онъ заявилъ, что „все то, что изложено въ проектѣ адреса, есть желаніе большинства народа, а потому проектъ долженъ быть принятъ весь цѣликомъ“. Но вслѣдъ за этимъ онъ прибавилъ: „Если крестьянство всегда высказывается за царскую власть, то и адресъ составленъ въ почтительнѣйшихъ выраженіяхъ по отношенію къ Монарху!“— Во всей Думѣ оказался лишь одинъ депутатъ, который, не сомнѣваясь, что проектъ адреса будетъ принятъ цѣликомъ или съ небольшими измѣненіями, и не надѣясь „кого-нибудь въ чемъ-нибудь разубѣдить“, подвергъ адресъ критикѣ „единственно во имя исполненія своего долга“,—то былъ уже упомянутый выше деп. гор. Екатеринослава, присяжный повѣренный Способный. Онъ выказался противъ крайне распространеннаго мнѣнія, нашедшаго себѣ выраженіе въ самомъ проектѣ адреса, что главной язвой и причиной современнаго движенія является самовластіе чиновниковъ.

---

[1]) Род. въ 1862 г. Кр. Богородскаго уѣзда, Тульской губ. Волостной писарь; им. свидѣтельство на домашн. учителя. Очень начитанный; безпартійный.

Съ своей стороны онъ видѣлъ эту причину въ неравновѣсіи классовыхъ интересовъ и классовой борьбѣ. Онъ находилъ, что собственно политическое движеніе у насъ играло довольно слабую роль, будучи поддерживаемо только „такъ называемой интеллигенціей“. Но что оно стояло для рабочихъ и крестьянъ лишь на второмъ планѣ. Отсюда онъ сдѣлалъ выводъ, и это составляетъ сущность его мнѣнія, что „пока классовые интересы не получатъ должнаго удовлетворенія, политическія реформы ни къ чему хорошему не приведутъ“. Въ предпочтеніи, которое адресъ отдавалъ политическимъ реформамъ, *конкретно* ихъ опредѣляя и перечисляя,—передъ экономическими, лишь намѣчая послѣднія, ораторъ усматривалъ главный недостатокъ адреса. „Когда мнѣ говорили,—заявлялъ онъ,—о негодности Государственнаго Совѣта, то мнѣ въ это время приходила мысль: о, какое самомнѣніе! По какому основанію думаемъ мы, что въ этой средѣ нѣтъ чувства, вѣры, мужества, нѣтъ опыта, нѣтъ патріотизма?“ Онъ указывалъ на существованіе верхнихъ палатъ во всей Западной Европѣ и Сѣверной Америкѣ; на то, что государственныя учрежденія вырабатываются постепенно, во многіе годы, и что реформированіе Государственнаго Совѣта тѣмъ легче можетъ совершиться, что его

члены назначаются Монархомъ—„и Монарху это право несомнѣнно принадлежитъ“. Деп. Способный высказался затѣмъ противъ *той общей формы*, въ какой адресъ потребовалъ отмѣны смертной казни, и выразилъ сомнѣніе въ искренности тѣхъ людей, которые заявляли готовность всѣмъ ради ея пожертвовать. Ораторъ употребилъ относительно ихъ неудачный аргументъ (ad hominem), который вызвалъ въ Думѣ *страшный шумъ*! На прервавшій его шумъ депутатъ отозвался замѣчаніемъ: „Это собственно урокъ свободы мнѣній, о которой говорится въ этомъ проектѣ адреса“.

Въ вопросѣ о смертной казни онъ сослался на мнѣніе своихъ избирателей: „могу вамъ по совѣсти сказать, что они не могутъ отвергнуть смертную казнь во что бы то ни стало“. Затѣмъ, „въ виду настроенія почтеннаго собранія“, ораторъ *опустилъ* вопросъ объ амнистіи и окончилъ нѣсколькими замѣчаніями объ экономической программѣ.

Всего важнѣе былъ въ данный моментъ образъ дѣйствій *правыхъ*, вошедшихъ въ составъ комиссіи по составленію проекта адреса. Гр. Гейденъ едва ли раздѣлялъ мнѣніе кр. Филякина, полагавшаго, что адресъ, пріемлемый для крестьянъ, *почтителенъ* къ Государю. Въ первой своей рѣчи гр. Гейденъ предостерегалъ собраніе противъ

„приподнятаго возбужденнаго состоянія“ при обсужденіи адреса и заявилъ, что „говорить съ Монархомъ должно, ясно отдавая себѣ отчетъ въ томъ, что хочешь сказать, и не допуская никакихъ преувеличеній“. Также и во второй рѣчи онъ не вполнѣ одобрялъ „способъ изложенія тѣхъ желаній, которыя внесены въ адресъ“. Но самый адресъ онъ считалъ вполнѣ пріемлемымъ по его содержанію, и во второй рѣчи даже ополчился противъ укора, что „всѣ соглашаются, кромѣ правой стороны Думы“. „Я долженъ успокоить того, кто бросилъ этотъ укоръ, что онъ ошибся: правая сторона точно такъ же присоединится почти всецѣло къ адресу“. Въ этой рѣчи гр. Гейденъ сдѣлалъ только двѣ оговорки противъ содержанія адреса: онъ признавалъ принудительное отчужденіе лишь „крайней мѣрою, къ которой слѣдуетъ приступить, когда другого исхода не будетъ“, и предупреждалъ, что внесъ съ товарищами поправку относительно амнистіи. „Если мы обращаемся съ ходатайствомъ объ амнистіи вверхъ къ Монарху, то мы съ такой же просьбой объ амнистіи обратимся внизъ и попросимъ ихъ (?) не примѣнять смертной казни, которая точно такой же позоръ для страны, какъ и смертная казнь сверху“.

Этотъ образъ дѣйствія вождей правой стороны

имѣлъ роковыя послѣдствія для хода дѣла въ Г. Думѣ и для судьбы самой партіи. Присоединившись къ „кадетскому“ адресу, они очутились въ хвостѣ „кадетовъ“, опережаемыхъ трудовиками, тогда какъ имъ слѣдовало для торжества либеральнаго конституціонализма начисто отмежеваться отъ революціи. Важно было не столько научить товарищей парламентарному *языку*, сколько принципамъ конституціонной монархіи. Для этого слѣдовало выступить со своимъ отдѣльнымъ адресомъ или, по крайней мѣрѣ, выяснить, куда ведетъ предлагаемый адресъ. Надо было открыть глаза и Думѣ и всей странѣ на глубокія противорѣчія въ этомъ адресѣ, провозглашавшемъ *единеніе* Монарха съ народомъ, настаивавшемъ на томъ, чтобы Монархъ отказался отъ Верховной власти въ области *основныхъ законовъ*, лишился назначаемыхъ имъ совѣтниковъ и принималъ изъ рукъ думскаго большинства свое правительство,—на противорѣчія въ адресѣ, толковавшемъ о „мирномъ сожитіи всѣхъ классовъ“ и настаивавшемъ на экспропріаціи цѣлаго класса. Это былъ моментъ для образованія конституціонной партіи изъ многочисленныхъ „безпартійныхъ“,— моментъ для того, чтобъ выяснить крестьянамъ, еще не сбитымъ съ толку аграрными трибунами, что если они, крестьяне, какъ сказалъ одинъ изъ нихъ,

„всегда высказываются за царскую власть“, то не должны въ то же время высказываться за кадетскую республику. Это былъ настоящій моментъ для того, чтобы водрузить знамя *мирнаго обновленія*. О немъ было заявлено потомъ, но слишкомъ поздно и случайно, когда странѣ было уже трудно понять, почему это произошло. И кличъ къ „мирному обновленію“ среди самоіі Думы остался пустымъ звукомъ. Не время, конечно, теперь разбирать причины прошлыхъ ошибокъ, такъ какъ революція не миновала, и либеральнымъ элементамъ необходимо сплотиться, но необходимо также помнить объ ошибкахъ, чтобы не повторять ихъ.

II.

По заключеніи общихъ преніи по адресу въ Г. Думѣ началось обсужденіе многочисленныхъ поправокъ къ тексту проекта адреса, заявленныхъ съ разныхъ сторонъ въ количествѣ 34 и переданныхъ на предварительное обсужденіе комиссіи. Представляя о нихъ докладъ отъ имени комиссіи, деп. Набоковъ давалъ по нимъ объясненія или заключенія, изъ которыхъ заслуживаетъ особеннаго вниманія то, что было сказано имъ по поводу привлеченія къ суду виновныхъ должностныхъ лицъ

и амнистіи ихъ. Докладчикъ объяснилъ, что комиссія не нашла нужнымъ включеніе въ адресъ „указанія на то, что должностныя лица не должны быть оставлены безнаказанными, но несомнѣнно этотъ вопросъ будетъ утвержденъ и несомнѣнно получитъ утвердительное рѣшеніе“ (*аплодисменты*). Но и возбужденіе вопроса объ амнистіи ихъ комиссія находила *преждевременнымъ*, такъ какъ эти лица пока пользуются всѣми своими правами и преимуществами и могутъ даже получать новыя и даже почетныя назначенія. Никто изъ насъ, конечно, продолжалъ г. Набоковъ, не жаждетъ ни крови, ни лишенія свободы должностныхъ лицъ. „Можетъ быть, когда всѣ наши желанія осуществятся, тогда мы заговоримъ и сами объ амнистіи“. Отвергнувъ амнистію *справа*, докладчикъ отвергнулъ ее и *слѣва*, имѣя при этомъ въ виду предложеніе Думы обратиться къ революціонерамъ съ увѣщаніемъ прекратить политическія преступленія. Сухо и кратко отозвался на этотъ счетъ г. Набоковъ: „Точно такъ же не находитъ себѣ мѣста въ отвѣтномъ адресѣ и осужденіе политическихъ убійствъ!“ И это было сказано въ первой русской Думѣ передъ страной, кишащей людьми, оправдывающими политическія убійства!

Началось чтеніе пересмотрѣннаго комиссіей послѣ

общихъ преній проекта адреса. Первый же *абзацъ* привелъ правовѣрныхъ въ негодованіе. Въ немъ заключалось заявленіе, что Г. Дума внесетъ законъ о народномъ представительствѣ, „основанный согласно единодушно проявляющейся воли народа на началахъ всеобщаго избирательнаго права“, но при этомъ комиссіей не было сказано ни слова о равномъ, прямомъ, тайномъ голосованіи безъ различія *пола*! На первыхъ же порахъ проявилось разногласіе въ Г. Думѣ между „кадетами“ и ихъ союзниками и по такому принципіальному вопросу!

Первымъ бросилъ перчатку „кадетамъ“ трудовикъ Аникинъ [1]). Онъ самъ былъ членомъ комиссіи и долженъ былъ оправдаться передъ товарищами, что не смогъ отвратить нарушеніе демократическаго *лозунга* о четырехчленной формулѣ. Этотъ лозунгъ, возопилъ депутатъ въ патетическихъ гиперболахъ, объединилъ милліоны русскихъ людей, во имя этого лозунга тысячи умирали на улицахъ на баррикадахъ, во имя этого лозунга сидятъ десятки тысячъ людей въ тюрьмахъ. Тамъ признается только этотъ лозунгъ и этотъ лозунгъ для насъ священный... безъ него напрасны всѣ утраты, напрасна вся борьба“.

---

[1]) Род. въ 1869. Изъ крестьянъ. Учился въ Сарат. ремесл. уч. Былъ земскимъ учителемъ. Сидѣлъ два раза въ тюрьмѣ.

Другой приведенный ораторомъ доводъ былъ личный. „Я являюсь избранникомъ всѣхъ крестьянъ Саратовской губ., избранный двухмилліоннымъ крестьянскимъ населеніемъ, я здѣсь одинъ. Могу ли я сказать, что всѣ знаютъ меня, всѣ видѣли меня и всѣ сказали мнѣ свою сердечную скорбь и свою необходимую (?) нужду? Да, я это знаю по газетамъ, по письмамъ, по тѣмъ приговорамъ, которые мнѣ присылаютъ. Но если бы было прямое избирательное право, то я съ полнымъ правомъ могъ бы сказать, что всѣ знаютъ своего избранника, и избранъ одинъ человѣкъ, плоть отъ плоти всей народной массы. Теперь этого нѣтъ, и въ этомъ нашъ недостатокъ и въ этомъ наша слабость“.

Эти слова хорошо рисуютъ то, что произошло въ душѣ скромнаго учителя земской школы, который вдругъ возомнилъ, почувствовалъ себя превыше губернатора, представителемъ воли двухмилліоннаго населенія и законодателемъ Россіи.

Въ концѣ своей рѣчи онъ вступился за право женщинъ, —„цѣлой половины нашей страны, цѣлой половины страдающихъ матерей, выносившихъ насъ на рукахъ, какъ дѣтей“.

Докладчикъ проекта сказалъ, жаловался деп. Аникинъ, что женщины въ другой части адреса,

пропущены по недосмотру. „Здѣсь же онѣ пропущены по досмотру, и этотъ досмотръ преступенъ“.

Здѣсь предсѣдатель остановилъ оратора: „Выраженіе *преступенъ* нельзя употреблять. Такъ къ товарищамъ относиться нельзя“.

Депутатъ взялъ свои свои слова назадъ, но заявилъ, что единодушная воля народа можетъ выразиться только въ полной формулѣ, „за которую мы боролись и за которую мы умираемъ“.

Выступилъ противъ сокращенной формулы о всеобщемъ голосованіи и виновникъ отвергнутой поправки, деп. Заболотный [1]). Не желая *пасовать* передъ товарищемъ, онъ объявилъ себя представителемъ трехъ милліоновъ крестьянъ въ Подоліи и подобно депутату Аникину объявилъ отечество въ опасности: „Когда я вносилъ свою поправку, я не думалъ, что дѣло русскаго народа находится въ той страшной опасности, въ которой оно оказалось послѣ доклада господина докладчика комиссіи. Теперь же я вижу, что дѣло русскаго народа, который прислалъ насъ сюда за землей и всеобщимъ избирательнымъ правомъ, какъ единствен-

---

1) Род. въ 1868 г. Изъ крестьянъ. Окончилъ гим. и Кіевскій унив. Участвовалъ въ бурской войнѣ. Послѣ этого занимался частными уроками, былъ частнымъ повѣреннымъ. Теперь пом. прис. повѣр. Изобрѣлъ подводную лодку.

ной *панацеей признанія* его гражданскаго и политическаго права, находится въ страшной опасности, и какъ представитель этого большинства русскаго народа, какъ представитель его крестьянства, я обращаюсь къ случайному большинству палаты съ ходатайствомъ отъ имени этого народа".

Эти слова должны были бы до глубины души смутить „кадетовъ", если бы они были искренними демократами. Они, сколько бы ихъ тамъ ни было, лишь *меньшинство* передъ Аникиными и Заболотными, представителями огромнаго большинства русскаго народа. Они, „кадеты", лишь *случайное* большинство въ палатѣ, т.-е. съ демократической точки зрѣнія лишь узурпаторы законодательной власти.

Депутатъ Заболотный вступился и за права *семидесяти милліоновъ* женщинъ и разубѣждалъ тѣхъ, „кто, можетъ быть, думаютъ, что крестьянскія женщины не понимаютъ этихъ правъ и не стремятся къ нимъ". Въ доказательство этого онъ привелъ слѣдующій „примѣръ простой". „Когда нѣсколько лѣтъ тому назадъ отняли права у мужей крестьянокъ требовать своихъ женъ по этапу обратно, все женское населеніе привѣтствовало это какъ радостное утѣшеніе".

Но „кадеты" не хотѣли внять призыву къ истинно-демократическому принципу. Они отговаривались

тѣмъ, что постановленіе Думы по возбужденному вопросу надо отсрочить „до болѣе солиднаго и основательнаго его освѣщенія“ или, какъ выразился другой изъ ихъ ораторовъ, что „тактическіе вопросы нельзя обсуждать, выставляя весь арсеналъ своего паѳоса: они требуютъ спокойной вдумчивости“. Этотъ же ораторъ высказалъ опасеніе, что при невозможности выставить всѣ мотивы „только бы обнаружилась не существующая въ дѣйствительности слабость сторонниковъ женскаго избирательнаго права“. Нѣкоторые изъ защищавшихъ формулу комиссіи признавались, что ихъ избиратели не одобрили бы *полной* формулы. Такъ деп. Ярославской губ. кн. Шаховской заявилъ, что если бы вопросъ о *прямыхъ* выборахъ былъ поставленъ тамъ на голосованіе, „то, конечно по недоразумѣнію, отвѣтъ вѣроятно получился бы отрицательный“. А депутатъ Рязанской губ. Федоровскій, признавая себя сторонникомъ „четырехчленной формулы“, „слышалъ отъ своихъ избирателей „горячія рѣчи противъ“. „Потому-то я и долженъ сказать, что не будетъ *единодушнымъ* выраженіемъ воли народа, если мы раскроемъ эту формулу: я говорю, что нѣкоторые изъ моихъ избирателей увидятъ въ этомъ ложь“.

Партійная дисциплина „кадетовъ“ была еще недостаточно сильна; изъ среды партіи послышались

и возраженія противъ комиссіи. Деп. Ломшаковъ [1]) настаивалъ на включеніи въ адресъ полнаго демократическаго принципа. „Я полагаю, что не должно меня останавливать въ этомъ то, что часть населенія можетъ не раздѣлять именно этотъ принципъ“. Но характерно то, что этотъ депутатъ, несмотря на свое предположеніе, считалъ тѣмъ не менѣе вполнѣ правильнымъ, вполнѣ возможнымъ оставить фразу: *„единодушно проявляющаяся воля народа“*. Казалось бы, что партіи *народной свободы* не къ лицу навязывать народу единодушіе или говорить о его единодушной волѣ тамъ, гдѣ ея завѣдомо не было!

На сторону трудовиковъ склонился и упомянутый выше деп. „кадетъ“ Миклашевскій, оговариваясь, что не думаетъ нарушить партійной дисциплины, если на этотъ случай сохранить самостоятельность мнѣнія. Въ формулѣ комиссіи онъ видѣлъ і безъ точки—„и вотъ цѣлая группа въ парламентѣ, близкая къ намъ, дѣйствовавшая до сихъ поръ вполнѣ съ нами единодушно, хочетъ поставить точку на і“. Онъ впрочемъ не соглашался съ тѣмъ, чтобы можно было говорить въ адресѣ о *единодушіи* на-

---

[1]) Род. въ 1870 г.; проф. С.-Петерб. политехн. института и предст. союза инжен. Окончч. курсъ Омскаго кад. корп. и С.-Петерб. технолог. инст.

рода въ томъ, „что женщины должны быть допущены въ парламентъ“. Сдѣлать такое указаніе, говорить такъ отъ имени народа, пожалуй, не въ правѣ и партія народной свободы!“

Зато этой партіи явился неожиданный союзникъ со стороны трудовиковъ, въ лицѣ самого депутата Аладьина. „Есть моментъ, провозгласилъ онъ, когда приходится сдѣлать выборъ между лозунгами, брошенными впередъ, и практическими мѣрами, которыя должны быть проведены немедленно. Когда мѣняешь лозунги на практическія мѣры, въ большинствѣ случаевъ не срываешь аплодисментовъ. И я не думаю срывать ихъ сегодня“. Очевидно аплодисменты играли не малую роль въ соображеніяхъ дѣятелей Таврическаго дворца! Деп. Аладьинъ, великодушно пожертвовавъ на сей разъ, въ интересахъ общаго дѣла, аплодисментами, мало рисковалъ. Докладчикъ комиссіи, „посовѣтовавшись съ нѣкоторыми изъ своихъ единомышленниковъ“, нашелъ нужнымъ смягчить оппозицію и объявилъ, что они будутъ голосовать за краткую формулу, но въ близкомъ будущемъ внесутъ проектъ о всеобщемъ избирательномъ правѣ, правѣ равномъ, тайномъ, безъ различія пола, національностей и вѣроисповѣданія“.

Этимъ и воспользовался депутатъ Аладьинъ и

поспѣшилъ закрѣпить уступку „кадетовъ“, предложивъ, чтобы съ принятіемъ формулы комиссіи „было принято и торжественное обѣщаніе съ этой каѳедры, такъ, чтобы отступить и замѣнить его было бы невозможно“.

Такимъ образомъ былъ одобренъ текстъ комиссіи. Не останавливаясь на нѣкоторыхъ неважныхъ поправкахъ, перейдемъ къ шестому отдѣлу, подавшему поводъ къ одной изъ самыхъ *дѣльныхъ* рѣчей, сказанныхъ въ Г. Думѣ. Въ отдѣлѣ шла рѣчь объ *отвѣтственности* министровъ. Въ этомъ понятіи заключалась, можно сказать, вся суть представшаго передъ Россіей политическаго вопроса; отъ правильнаго его опредѣленія зависѣла прежде всего плодотворность или, наоборотъ, непригодность дѣятельности первой русской Гос. Думы. Депутату Стаховичу принадлежитъ честь, что онъ указалъ ей вѣрный путь.

„Я не могу, сказалъ онъ, согласиться съ этимъ отдѣломъ проекта адреса и считаю долгомъ оговорить, что, будучи сторонникомъ права запроса и контроля со стороны Думы не только надъ закономѣрностью, но и цѣлесообразностью дѣйствій министровъ, я не сторонникъ, особенно въ настоящее время, парламентарнаго режима для Россіи. Но такъ какъ мы теперь обсуждаемъ не законопроектъ,

то, оставляя въ сторонѣ науку государственнаго права, столь блестяще представленную въ средѣ Думы, я укажу тѣ практическія соображенія, по которымъ министры должны, по моему мнѣнію, оставаться отвѣтственными передъ Государемъ Императоромъ. Еще Бисмаркъ говорилъ, что отвѣтственность передъ палатою самое удобное условіе для безсовѣстнаго министра. Случайно или ловко проведя любую гадость, министръ покрытъ голосованіемъ палаты, т.-е. одобреніемъ народа".

„Кромѣ того, часто случается, бываютъ даже цѣлые періоды государственной жизни, когда не сущность вопроса царитъ и рѣшаетъ дѣло въ палатѣ, а возбужденіе политическихъ страстей. Самое присутствіе такого возбужденія является уже опасностью. Оно опасно, какъ оружіе въ рукахъ разсерженнаго".

„Вспомните, какимъ широкимъ потокомъ несутся рѣчи съ этой каѳедры. Обратите вниманіе, кромѣ того, какъ неопредѣленно наше большинство; какъ неизбѣжно будетъ мѣняться его составъ, въ зависимости отъ группировокъ по вопросамъ: аграрному, національному и другимъ. Будущее себя покажетъ; тогда мы, можетъ быть, будемъ имѣть убѣдительныя основанія ходатайствовать о присвоеніи намъ права верховнаго управленія Россіей, но по-

куда Дума не выказала себя на дѣлѣ, я считаю эту претензію преждевременной. Мы только свяжемъ руки Государю, если, какъ лойяльный конституціонный монархъ, онъ будетъ слѣдовать нашимъ голосованіямъ и мѣнять министерства послѣ каждаго провала. Я знаю, мнѣ возразятъ, что въ конституціяхъ такого закона не помѣщаютъ обыкновенно, что это установлено во всѣхъ странахъ обычаемъ. Но мы такъ ревниво переимчивы, что я не сомнѣваюсь, что мы переймемъ и этотъ обычай уже за то, что онъ чужой".

„Вчера членъ Думы Родичевъ говорилъ намъ, что „нѣтъ отвѣтственности тамъ, гдѣ отвѣтъ дается не гласно". Я съ нимъ согласенъ, но нахожу, что гласность вполнѣ обезпечивается запросомъ въ Думѣ и объясненіями министра въ публичномъ стенографированномъ засѣданіи. Поэтому я стою за упрощеніе и ускореніе какъ запроса, такъ и контроля надъ министрами,—но на первое время не считаю возможнымъ подчинить ихъ Думѣ, а не Государю".

Какъ же отнеслось Собраніе къ этой прекрасной рѣчи? Оно отвѣтило на нее *шиканьемъ на многихъ скамьяхъ* и этимъ дало мѣрку своего политическаго разумѣнія. Даже снисходительный предсѣдатель поставилъ Собранію вопросъ, въ „согласіи ли это съ добрыми парламентскими обычаями, — вѣдь это

протестъ противъ свободы слова!“ Такой протестъ противъ свободы слова былъ тѣмъ болѣе неумѣстенъ, что депутатъ Стаховичъ предлагалъ „вмѣсто устанавливаемой въ адресѣ отвѣтственности министровъ передъ Думою“ указать на необходимость *развитія* и *ускоренія* условій для осуществленія запроса и контроля со стороны Думы „не только надъ законом*ѣ*рностью, но и *цѣлесообразностью* дѣйствій министровъ“.

Затѣмъ выступили ораторы. Всѣ высказывались за немедленное введеніе парламентаризма, нѣкоторые съ оговоркой, что эту сторону дѣла слѣдуетъ еще болѣе подчеркнуть. Ихъ было семеро: одинъ *умѣренный*, три „кадета“, два профессора и одинъ трудовикъ. Первый ораторъ началъ съ личнаго признанія, весьма интереснаго, ибо оно подтверждало извѣстный изъ исторіи и другихъ революцій фактъ революціонизирующаго вліянія товарищей на болѣе умѣренныхъ депутатовъ.

Депутатъ Федоровскій [1]) причислялъ себя къ партіи демократическихъ реформъ. Мы называемъ его умѣреннымъ на томъ основаніи, что онъ въ

---

[1]) Род. въ 1871 г. Окончилъ реальное и военное уч., служилъ артил. офицеромъ, б. въ военно-юрид. академіи и потомъ въ Моск. сельскохозяйств. инст., предсѣдатель Егорьевской зем. упр.

засѣданіи 26 мая возражалъ „ораторамъ, указывавшимъ на Думу только какъ на этапъ къ революціи и заявлялъ, что его избиратели „не уполномочивали его ложиться костьми за революціонный путь“. Въ преніяхъ объ адресѣ онъ разсказалъ, что когда онъ пріѣхалъ „изъ своего медвѣжьяго угла (фактически медвѣжьяго)“, онъ вѣрилъ въ возможность мирной работы. Но первое, что онъ услышалъ въ Думѣ—это разсказы о страшныхъ картинахъ крови, пролитой по землѣ русской: „число труповъ указывалось здѣсь, говорилось о тѣхъ сотняхъ и тысячахъ заключенныхъ, которые томятся въ тюрьмахъ“. Кто отвѣтственъ за это? спрашивалъ г. Федоровскій.

Подъ впечатлѣніемъ этихъ разсказовъ деп. Федоровскій пришелъ къ заключенію, что если принять предложеніе Стаховича, „*отвѣтственнымъ* должно явиться лицо, стоящее на вершинѣ власти“, а такъ какъ рязанскій депутатъ этого не хотѣлъ, то ему представился выходъ въ теоріи: „Исполнительная власть,—вотъ кто отвѣтственъ за все, что совершается. Особа Монарха царитъ надъ всѣмъ. Монархъ царствуетъ, но не управляетъ, такова формула“.

Итакъ депутата Федоровскаго привела къ парламентаризму забота о неотвѣтственности Монарха.

Другія заботы руководили петербургскимъ депутатомъ Винавером[ъ] [1]).

Онъ *самымъ энергическимъ образомъ* сталъ протестовать противъ предложенія. Стаховича. Онъ полагалъ, что если его принять, страна стала бы такъ же страдать, какъ страдала до сихъ поръ. „Единственный исходъ въ томъ, чтобы та самая сила, которая призвана высказать мнѣніе страны о предметѣ законодательномъ, могла указать то, что отвѣчаетъ потребностямъ страны“. Но для этого, замѣтимъ мы, вовсе не нужно, чтобы Дума *назначала* министровъ. Настаивая на назначеніи министровъ Думою, деп. Винаверъ софистически увѣрялъ, что власть Монарха не потерпитъ отъ этого никакого ущерба: „Нельзя говорить, что Монархъ будетъ стѣсненъ въ исполненіи своихъ функцій, Монархъ не можетъ быть стѣсненъ въ томъ, что Онъ будетъ прямо знать волю народа, не будетъ стѣсненъ потому, что мы исходимъ изъ предположенія, что его воля согласна съ волей народа!“ Но она можетъ быть несогласна съ волею г. Винавера и его партіи. Во всякомъ случаѣ, чтобы знать волю Гос. Думы, Монарху нѣтъ надобности подчиняться думскому

---

[1]) Род. въ 1863 г. Окончилъ Варш. гим. и унив., прис. пов., членъ союза для достиж. равноправія евреевъ. Одинъ изъ ред. „Вѣст. Права“.

министерству. „Если министры, которые теперь безотвѣтственны передъ страной, разсуждалъ деп. Винаверъ, не будутъ отвѣтственны передъ *закономъ*, то закона не будетъ“. Въ этомъ разсужденіи ораторъ смѣшивалъ зависимость министровъ отъ большинства Думы съ ихъ отвѣтственностью передъ *закономъ*, достаточно гарантированной основными законами. И что *на умѣ* у депутата былъ не столько законъ, сколько *власть*, видно изъ слѣдующихъ его словъ: „Если мы не добьемся власти этимъ путемъ, то безспорно не только всѣ наши благія пожеланія будутъ *низведены*, но даже право запроса падетъ въ бездну“.

Деп. Винаверъ въ заключеніе настаивалъ на томъ, чтобы, дѣлая первый шагъ, Дума не вырывала бы изъ подъ ногъ парламента тотъ *пьедесталъ*, на которомъ можетъ быть воздвигнуто настоящее народное представительство!

Деп. Винавера поддержалъ кн. Шаховской [1]). Онъ совершенно вѣрно замѣтилъ, что разбираемый вопросъ самый *центральный* во всемъ адресѣ и тутъ же неосторожно проговорился: „подчинить министровъ Думѣ—только въ этомъ наша задача“. „А

---

[1]) Род. въ 1861 г. Окончилъ Варш. гим. Учился въ Спб. унив. Служилъ въ Весьегонскомъ у. зем. статистикомъ. Издавалъ брошюры для народа; секретарь Г. Думы.

какъ мы это сдѣлаемъ, прибавилъ онъ, мы еще не знаемъ“.

Правъ былъ кн. Шаховской и въ томъ, что сказалъ: „мы не видимъ отъ министерства никакой декларации: оно ставитъ насъ въ положеніе силы, которая дѣйствуетъ въ безвоздушномъ пространствѣ“. Но едва ли можно согласиться съ его мнѣніемъ: „Лучшее и единственное средство заставить насъ возмужать въ работѣ—это дать намъ отвѣтственность не только въ качествѣ составителей закона, но чтобы мы знали, что всѣ наши законы будутъ исполняться людьми, которые должны дѣйствовать согласно нашего указанія“.

Третій изъ „кадетскихъ“ ораторовъ, депутатъ Медвѣдевъ [1]) просилъ слова, чтобы „разсѣять опасенія по вопросу объ отвѣтственности министровъ“. Когда готовилось, сказалъ онъ, освобожденіе крестьянъ, также раздавались опасенія, однако ничего не погибло и народъ добился 17 окт. 1905 г.

Депутатъ впрочемъ недоволенъ актомъ 1861 г.— тогда „не раскрѣпостили земли, оставили при массѣ селеній помѣщика съ землей, необходимой окру-

---

[1]) Род. въ 1857 г. Изъ крѣп. крестьянъ. Уч. въ духов. уч., дух. сем. и Яросл. лицеѣ. Былъ управ. банкомъ въ Самарѣ. Членъ Твер. губ. зем. упр. Во время погрома этой управы былъ въ числѣ пострадавшихъ.

жающему крестьянскому населенію.... (точки въ оригиналѣ). Ну они и опекали... Результаты вылились въ нашемъ отвѣтѣ на тронную рѣчь въ словахъ: Страна покрыта позоромъ казней, заточеній, ссылки“ и т. д. „Чего же хочетъ орловскій депутатъ? Онъ хочетъ, какъ помѣщиковъ въ 1861 г., придвинуть къ намъ этихъ господъ (указываетъ на скамью министровъ)“.

Предсѣдатель проситъ не дѣлать указаній на личности. Депутатъ продолжаетъ. „Въ 1861 г. Россію нашу поставили на одну рельсу (sic). Тогда еще не было книги уваж. проф. Карѣева, въ заключительной главѣ которой онъ говоритъ о необходимости поставить Россію на два рельса, на которую г. Карѣевъ ссылался съ этой каѳедры“ [1]). Депутатъ выразилъ надежду, что послѣ раскрѣпощенія земли „мы встанемъ на два рельса“ и пригласилъ деп. Стаховича черезъ 10 лѣтъ проѣхать по Россіи и посмотрѣть на благополучіе отъ тѣхъ мѣръ, противъ которыхъ онъ предостерегалъ.

Рѣчь депутата Медвѣдева очень мало разъяснила вопросъ о парламентаризмѣ, но очень хорошо объ-

---

[1]) Въ стеногр. отчетѣ нѣтъ указаній на книгу проф. Карѣева, на которую будто бы ссылался ея авторъ. Можетъ быть это служитъ указаніемъ на то, что рѣчи пересматривались ораторами до печатанія ихъ?

ясняетъ, почему многіе на него возлагали такія надежды. Проф. Карѣевъ и Ковалевскій прочли въ Гос. Думѣ лекціи, одинъ по исторіи Франціи, другой по исторіи Англіи. Первый заявлялъ, что Россія находится именно въ томъ самомъ положеніи, въ которомъ находилась французская нація въ 1789 г. Народные представители тогда обновили Францію, но странѣ пришлось пережить всѣ ужасы внутренней анархіи и страшнаго деспотизма. Это произошло оттого, что идея парламентаризма не встрѣчала тогда сочувствія ни въ монархѣ, ни въ народномъ представительствѣ, хотя въ ней былъ человѣкъ, который яснѣе другихъ указывалъ на этотъ путь. Это былъ Мирабо.

Итакъ, по мнѣнію проф. Карѣева, чтобы избѣжать анархіи и страшнаго деспотизма, Россія должна была искать спасенія въ парламентаризмѣ. Но исторія французской революціи заключаетъ въ себѣ не одинъ указанный имъ урокъ, а прежде всего тотъ, что анархія во Франціи была вызвана *самимъ* національнымъ собраніемъ, превысившимъ свою власть, объявившимъ себя Учредительнымъ Собраніемъ и парализовавшимъ правительство. Что же касается до Мирабо, то онъ замѣчателенъ также ясностью, съ которою онъ прозрѣлъ несостоятельность своихъ коллегъ, что и понудило его посвя-

тить себя возстановленію во Франціи королевской власти для упроченія порядка и свободы. Но было уже поздно. Франція покатилась по наклонной плоскости, и довѣрчивыхъ идеологовъ 1789 г. смѣнили другіе законодатели, которые многихъ изъ нихъ послали на эшафотъ, не пощадивъ и знаменитаго Лавуазье.

Въ концѣ своей рѣчи проф. Карѣевъ неожиданно объяснилъ, что парламентаризмъ однако не къ спѣху, что „образованіе парламентскаго министерства дѣло не данной еще минуты“, но принципъ долженъ быть заявленъ теперь же.

Проф. Ковалевскій былъ рѣшительнѣе и счелъ нужнымъ выяснить опасность положенія, „когда министры отвѣтственны только передъ судомъ и не отвѣтственны политически передъ палатой“. Опасность онъ видѣлъ въ этомъ случаѣ троякую: опасность для Монарха, опасность для совѣта министровъ и опасность для палаты: парламентаризмъ же, какъ показываетъ исторія Англіи, всѣхъ обезпечиваетъ. Парламентарному Монарху проф. Ковалевскій отводилъ очень высокое и очень удобное положеніе: „Монархъ паритъ надъ партіями“, всю отвѣтственность за него несутъ министры; министры же въ случаѣ, если большинство палаты ими недовольно, отдѣлываются одною отставкой, тогда какъ до вве-

денія парламентаризма въ Англіи ихъ привлекали къ уголовному суду даже за „дѣйствія по природѣ не преступныя“, подводя эти дѣйствія „искусственно подъ понятіе акта преступнаго“. Что же касается до опасности для самой палаты, которую представляетъ отсутствіе парламентаризма, то проф. Ковалевскій объяснилъ ее слѣдующимъ образомъ: „До тѣхъ поръ, пока у васъ будетъ увѣренность, что вы можете быть только критикой (sic) существующихъ въ Россіи нестроеній, вы не будете устанавливать справедливыя границы между легко осуществимыми и вполнѣ назрѣвшими реформами и тѣми реформами, которыя отвѣчаютъ вашимъ отвлеченнымъ политическимъ и общественнымъ идеаламъ. Но разъ надъ вами будетъ висѣть Дамокловъ мечъ, состоящій въ томъ, что каждый изъ васъ въ извѣстный моментъ можетъ быть призванъ къ осуществленію на дѣлѣ предлагаемой вами программы... вы будете рекомендовать только тѣ мѣропріятія, которыя вы будете въ состояніи провести въ жизнь, какъ члены правительства“.

Уже кн. Шаховской добивался парламентаризма какъ средства дать „возмужать въ работѣ“ неопытнымъ политикамъ: проф. Ковалевскій, какъ видно изъ его рѣчи, возлагалъ еще болѣе оптимистическія надежды на психическое дѣйствіе и воспита-

тельную силу парламентаризма. Онъ полагалъ, что этотъ политическій механизмъ можетъ хорошо повліять на душу и совѣсть человѣка, превратить идеолога въ реальнаго политика, властолюбцу или фанатику внушить скромность или даже мнительность! Невѣроятно однако, чтобы перспектива попасть въ министры кому-либо представлялась Дамокловымъ мечомъ; во всякомъ случаѣ не въ томъ собраніи, добрая половина котораго только изъ устъ проф. Ковалевскаго узнала о существованіи такого меча.

Пренія по парламентаризму заключилъ трудовикъ Шапошниковъ [1]). Его заявленіе можетъ быть признано поучительнымъ эпилогомъ къ рѣчи проф. Ковалевскаго: „Для крестьянъ сказать, что Гос. Дума не требуетъ отвѣтственности министровъ, это значитъ въ ихъ глазахъ заявить, что Гос. Дума отказывается отъ того, ради чего она создана. Явиться къ крестьянамъ безъ земли, явиться къ нимъ и сказать, что мы отказались отъ своего права контролировать (?) и привлекать министровъ къ отвѣтственности, значитъ ничего не сдѣлать, и крестьянамъ

---

[1]) Род. 1870 г. Крестьянинъ, окончилъ учит. семинарію. Былъ учителемъ въ станицѣ. Два раза сидѣлъ въ тюрьмѣ. Служилъ конторщикомъ. Завѣд. страх. отдѣломъ при Курской губернской зем. управѣ.

янинъ скажетъ, что „Дума разговоры разговариваетъ, а дѣла не дѣлаетъ“. Мнѣ кажется, что отвѣтственность министровъ весьма понятна въ массѣ крестьянства“.

Деп. Шапошниковъ понялъ заявленіе г. Стаховича въ такомъ смыслѣ, что „Дума будетъ спрашивать министровъ, а они отвѣчать. И только. Однимъ словомъ, котъ уплетаетъ курчонка, поваръ дѣлаетъ наставленіе, а Васька слушаетъ да ѣстъ. Министры будутъ заниматься, какъ имъ угодно: а мы—безполезно получать народныя деньги“. „Противъ отвѣтственности можетъ говорить только то лицо. которое совершенно не знакомо съ элементарными правами народнаго представительства“.

Поправка деп. Стаховича была отвергнута всѣми голосовавшими противъ 14 человѣкъ. Сколько было въ этомъ огромномъ большинствѣ явныхъ и тайныхъ кандидатовъ на министерство, не страшившихся Дамоклова меча?

Слѣдующій *абзацъ* адреса, также касавшійся отвѣтственности министровъ, не вызвалъ преній, такъ какъ вопросъ казался исчерпаннымъ наканунѣ; только *трудовикъ* Кутомановъ нашелъ нужнымъ представить длинное дополненіе къ адресу, въ которомъ онъ проводилъ мысль о переустройствѣ полицейской администраціи посредствомъ

„учрежденія на мѣстахъ выборныхъ отъ всѣхъ гражданъ комитетовъ для организаціи гражданской вооруженной стражи съ возложеніемъ завѣдыванія таковой на городскія и земскія управленія совмѣстно съ представителями выборныхъ комитетовъ“.

Докладчикъ указалъ на трудность включенія этой поправки въ проектъ—по соображеніямъ редакціоннымъ; возразилъ противъ этого и по существу. Удивительно только, что къ этимъ возраженіямъ не присоединились въ Гос. Думѣ присутствовавшіе въ ней знатоки французской революціи. Они располагали такимъ обильнымъ матеріаломъ для того, чтобы выяснить г. Кутоманову, какіе плоды принесла въ свое время предлагаемая имъ мѣра, благодаря которой вся Франція покрылась *самопроизвольной анархіей*.

Зато весьма продолжительныя пренія вызвали поправки къ тому абзацу, къ которомъ шла рѣчь объ отмѣнѣ Госуд. Совѣта. Редакція его усложнялась тѣмъ, что она предрѣшала вопросъ о двухпалатной или однопалатной системѣ. Въ этомъ вопросѣ расходились между собою даже лица не только одинаковаго общественнаго положенія, но и одинаковаго характера полученнаго ими образованія, какъ напр., деп. Котляревскій и Якушкинъ (пр.-доц. по

исторіи). Расходились депутаты и въ томъ, что одни требовали просто уничтоженія Госуд. Совѣта, другіе—измѣненія его состава, третьи—измѣненія его функцій. Поэтому въ преніяхъ не было никакой системы и послѣдовательности. Одни возражали противъ существующаго Госуд. Совѣта, другіе противъ всякаго возможнаго Совѣта, третьи предлагали планы новаго учрежденія. Всего щекотливѣе было положеніе тѣхъ, кто, нападая на существующій Гос. Совѣтъ, желали спасти принципъ *двухъ* палатъ. Они оправдывались и увѣряли въ искренности своихъ демократическихъ убѣжденій.

Кн. Шаховской даже полагалъ, что вопросъ объ однопалатной или двухпалатной системѣ вообще не въ компетенціи настоящаго собранія. „Мы должны предоставить рѣшеніе этого вопроса только тому собранію, которое будетъ истиннымъ народнымъ представительствомъ, созваннымъ на началахъ всеобщаго избирательнаго права!“

Кн. Долгоруковъ, товарищъ предсѣдателя Госуд. Думы,—полагалъ, что если Верховная Власть захочетъ, то она можетъ и должна имѣть извѣстный совѣщательный органъ, который помогъ бы ей всесторонне разсмотрѣть всѣ законодательные проекты правительства или даже законодательные акты Думы“. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ счелъ возможнымъ весь-

ма грозно высказаться противъ этого учрежденія. „Мы должны сказать, что это терпимо безусловно не можетъ быть, что это можетъ повести къ нежелательнымъ конфликтамъ: ни народъ, ни его представители не могутъ допустить никакого средостѣнія; никакого *намордника* на народное представительство быть не можетъ“.

Ораторъ тутъ же пояснилъ, почему онъ прибѣгаетъ къ такимъ необычнымъ въ государственныхъ вопросахъ выраженіямъ. „Мы не считаемъ нужнымъ прибѣгать къ дипломатическимъ выраженіямъ: дипломатія можетъ быть между совершенно чуждыми элементами, между враждующими сторонами. Мы еще имѣемъ нѣкоторую надежду, что намъ удастся избѣжать во всякомъ случаѣ очень болѣзненнаго для страны конфликта“.

Гр. Гейденъ же, наоборотъ, заботился о корректности тона. Раздѣляя мнѣніе о несоотвѣтствующемъ составѣ Госуд. Совѣта, онъ возражалъ даже противъ прямого указанія на это учрежденіе. Онъ находилъ, что „прежде всего никакъ не слѣдуетъ задѣвать и осуждать нынѣ существующія учрежденія“, и что „обращаться къ тому лицу“, для котораго предназначенъ адресъ, съ указаніемъ объ уничтоженіи Гос. Совѣта, не „соотвѣтствовало бы

тону адреса, который я желалъ бы видѣть представленнымъ отъ Гос. Думы".

Но Дума предпочитала держаться совѣта кн. Долгорукова и въ преніяхъ о Госуд. Совѣтѣ выставила цѣлый рядъ *недипломатовъ*. Разсужденія этихъ *экспертовъ* о Гос. Совѣтѣ — цѣнный памятникъ для характеристики среды и момента. Они показываютъ, какъ отражаются сложные вопросы о государственной организаціи въ умѣ людей, оторвавшихся отъ народа и не добравшихся до „интеллигенціи". Трудовикъ Меркуловъ [1]) заявилъ, что хотя онъ не можетъ много говорить, что онъ вчера доказалъ, но все-таки наплывъ чувствъ заставляетъ его снова подѣлиться своими соображеніями. Этотъ наплывъ чувствъ былъ вызванъ тѣмъ, что одинъ изъ говорившихъ видѣлъ въ Гос. Совѣтѣ *товарища*. „Я рѣшительно не могу видѣть въ немъ товарища, пока Госуд. Совѣтъ будетъ состоять на половину изъ тѣхъ же чиновниковъ, противъ которыхъ мы въ настоящее время боремся. Такимъ образомъ Госуд. Совѣтъ не можетъ быть намъ товарищемъ. *Кромѣ того*, я не знаю, удобно ли устраненіе Госуд. Совѣта съ

---

[1]) Род. въ 1875 г. Крестьянинъ. Учился въ земской и сельскохоз. школѣ. Служилъ въ Курской зем. губ. упр. практикантомъ по сельскому хоз. и помощникомъ щигровскаго уѣздн. агронома.

юридической стороны. Я не знаю никакихъ юридическихъ законовъ. Я могу высказывать только то, какъ смотрятъ на это тѣ люди, которые прислали меня сюда въ Думу. Крестьяне, посылали насъ сюда въ Думу уполномоченными, говорили намъ: „Идите къ Царю и скажите ему все“. Я пытался увѣрить ихъ, что не всегда все сказанное нами можетъ быть принято, что есть между нами еще такіе люди, отъ которыхъ зависитъ желаніе или непринятіе того, о чемъ здѣсь будутъ говорить, но они съ этимъ считаться не хотѣли и настаивали на своемъ. Въ ихъ умѣ сложилось понятіе, что Государь долженъ править государствомъ непосредственно вмѣстѣ со своимъ народомъ и что никакихъ средостѣній не должно быть“. Въ виду этого деп. Меркуловъ предложилъ свою поправку противъ всякихъ средостѣній и заключилъ словами: „Такимъ образомъ это не будетъ нарушать общаго *логическаго* тона всего проекта адреса“.

Орловскій депутатъ-трудовикъ Кукановъ [1]) обрушился на своего „земляка“ по выборамъ Стаховича: „Нѣтъ, нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ! г. Стаховичу не могли мы, крестьяне, поручить того, что онъ защи-

---

[1]) Род. въ 1875 г. Прошелъ Орл. дух. уч. и держалъ экз. на званіе нар. уч. Былъ рабочимъ на Маньчж. жел. дор. Сельскій учитель.

щалъ здѣсь. Госуд. Совѣтъ не то, что наша Гос. Дума!“ Указавъ на преимущество въ содержаніи, получаемомъ членами Гос. Совѣта, ораторъ воскликнулъ:—„Что же сказать о другихъ преимуществахъ! Нѣтъ, довольно! Довольно средостѣній между народомъ и Монархомъ“ и также свелъ рѣчь на то: пусть самъ Царь знаетъ, чѣмъ болѣетъ страна, что дѣлается внутри ея и что ей нужно.

Депутатъ старѣйшаго университетскаго города—газетный наборщикъ Савельевъ [1]) объявилъ, что „рабочіе ни въ какомъ случаѣ не могутъ мириться со второю палатою, и таковой не должно быть никогда для рабочихъ“. Московскій народный трибунъ заключилъ рѣшительнымъ *не позвалямъ*: „И поэтому я отъ лица рабочихъ, пославшихъ меня сюда—московскихъ рабочихъ, заявляю Думѣ, что они никогда не допустятъ никакого Госуд. Совѣта и никакой второй палаты“.

Юный трудовикъ Онипко [2]) заявилъ свое глубокое убѣжденіе въ томъ, что Гос. Совѣтъ „является тормозомъ, тѣмъ учрежденіемъ, которое должно держать на уздѣ нижнюю палату и не допускать въ ней демократизма!“

---

[1]) Род. въ 1874 г. Мѣщ. г. Рязани. Уч. въ гор. нач. уч. Набор. въ тип. Рус. Вѣд. Соціалъ-демокр.

[2]) Род. въ 1879 г. Кр. Куб. области. Самоучка—выд. экз. въ гор. учил. Волостной писарь.

Кіевскій депутатъ „кадетъ“ Грабовецкій [1]) рѣшилъ дѣло очень просто: „Царскій Совѣтъ ничего не знаетъ! Онъ составленъ безъ нашего вѣдома, пусть безъ насъ (?) онъ и разойдется“.

Другой представитель московскихъ рабочихъ деп. Чурюковъ[2]) превзошелъ своего коллегу: „Господа, не поддадимся на хитрости правительства, но скажемъ громко на всю страну: Государь и Гос. Дума — и больше никого чтобы не было. А если правительство нарушитъ нашу непрпкосновенность, встанетъ намъ на дорогѣ, мы тогда выйдемъ и скажемъ: правительство не хочетъ счастья народа! Мы тогда сами пойдемъ и сами его добудемъ“.

Харьковскій деп. трудовикъ Назаренко [3]) выяснилъ, что цѣль Думы въ томъ, чтобы осуществить возможность обиженному искать правды, бѣдному дать возможность жить по-человѣчески. Въ этомъ стремленіи она встрѣтитъ препятствіе со стороны богатыхъ. Отсюда выводъ, что „Гос. Совѣтъ не нуженъ, не можетъ быть нуженъ, пока самъ народъ не признаетъ необходимости въ немъ“.

---

[1]) Род. въ 1865 г. Крест. села Турки Сквирскаго уѣзда. Низшее образованіе. Въ кач. раб. служ. на Маньчж. линіи. Поклонникъ Шевченка.

[2]) Род. въ 1876 г. Кр. Волокол. уѣзда. Окончч. земск. уч. Слесарь Клин. мех. завода. Соц.-дем. Избр. отъ раб. Моск. губ.

[3]) Род. въ 1861 г. Кр. слободы Бѣловодскъ. Окоп. 2-клас уч. Служилъ на Кавказѣ лѣсничимъ.

Деп. Онацкій [1]) поставилъ вопросъ: „Господа, какъ это будетъ такъ, если Дума будетъ думать, а Гос. Совѣтъ въ одну минуту отмѣнитъ всѣ наши законопроекты? Такъ зачѣмъ же Гос. Совѣтъ? Онъ можетъ разъѣхаться по домамъ. Если не согласится разъѣхаться, то можно дать имъ денегъ на дорогу“.

Но всѣхъ превзошелъ рѣшительностью псковскій депутатъ Т. Ильинъ [2]), кавалеръ Св. Георгія: „Гг. нар. пред.! Ни для кого не тайна, что рабочіе добиваются учредительнаго собранія, созваннаго на основаніи всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго голосованія. Поэтому я считаю своимъ долгомъ говорить отъ имени всего пролетаріата, что мы, рабочіе, протестуемъ не только противъ Гос. Совѣта, но и противъ всего этого адреса“.

Гордостью наполнилось при всѣхъ этихъ рѣчахъ сердце депутата Киселева [3]): „Я ѣхалъ сюда съ твердой увѣренностью, что не мы будемъ учиться у Запада, а пусть поучится Западъ у насъ“.

---

[1]) Род. въ 1878 г. Казакъ Гадяч. уѣзда. Прошелъ сельскую школу. Былъ военнымъ писаремъ, потомъ приказ. въ экономіи. Трудовикъ.

[2]) Род. въ 1855 г. Кр. Остр. уѣзда. Грамотѣ обучался на военной службѣ. Участникъ рус.-тур. кампаніи. Мелкій рядчикъ плотничнаго дѣла. Былъ пред. волост. суда. Партія не показана въ спискѣ.

[3]) Коп.-дем. Изъ крест. Почтово-телегр. чиновъ. Низшее образ.

Всѣ эти рѣчи или, вѣрнѣе сказать, выходки противъ Гос. Совѣта поражаютъ неразвитостью ихъ авторовъ и неподготовленностью ихъ къ возложенной на нихъ роли. Основные законы для нихъ не существуютъ, и приходится усумниться въ томъ, въ состояніи ли они были ихъ понять. Но въ нѣкоторыхъ изъ этихъ рѣчей, Меркулова, Куканова и даже соціалиста (?) Чурюкова просвѣчиваетъ первобытное, несложное, народное представленіе о государствѣ, сводящее его къ старинному дуализму *Вѣча и Князя, Царя и Народа*, представленію, столь мало поддающемуся сложному парламентаризму, за который распинались его ученые или просто властолюбивые приверженцы.

Въ преніяхъ о Гос. Совѣтѣ приняли участіе и нѣкоторые защитники его. Рязанскій депутатъ Ярцевъ [1]) предложилъ исключить изъ адреса параграфъ объ упраздненіи Гос. Совѣта, признавая, что если Гос. Дума приметъ предложеніе упразднить Гос. Совѣтъ, „при первомъ начинаніи ею дѣлъ государственныхъ, то она совершитъ большую несправедливость“. При переустройствѣ государствен-

---

[1]) Род. въ 1854 г. Городской голова гор. Зарайска. Купецъ. Образованіе получилъ въ Зар. уѣзд. уч. Дѣят. чл. партіи «истинно-русскихъ людей».

ныхъ дѣлъ Гос. Совѣтъ долженъ служить Гос. Думѣ товарищемъ, а никакъ не преградою.

Другой депутатъ Рязанской губ., старѣйшій ея земецъ—Кн. Волконскій [1]), допуская, что Гос. Совѣтъ въ теперешнемъ его видѣ можетъ служить Думѣ тормозомъ, совѣтовалъ исходить не изъ преждевременныхъ предположеній, а изъ фактовъ. „Мнѣ кажется, что и Дума имѣетъ недостатки, но Гос. Совѣтъ составляетъ къ ней пока не худое дополненіе. Оба имѣютъ крупные недостатки, но если откинуто одно изъ этихъ двухъ учрежденій, мнѣ кажется, это можетъ ухудшить дѣло".

По вопросу о Гос. Совѣтѣ было предложено нѣсколько поправокъ къ тексту. Наиболѣе сочувствія вызвала поправка деп. Острогорскаго [2]), осуждавшая Гос. Совѣтъ не за личный составъ его (изъ назначенныхъ сановниковъ и выборныхъ отъ высшихъ классовъ), а за то, что онъ, будучи лишенъ истинно представительнаго характера, тѣмъ не менѣе облеченъ законодательной властью.

Къ этой поправкѣ присоединился проф. Ковалев-

---

[1]) Род. въ 1848 г. Окончилъ курсъ въ Моск. унив. Съ 1874 г. состоитъ глас. губ. земства. Предсѣд. губ. зем. управы 1897 г. Литературные труды. Организ. ком. «Союза 17 окт.».

[2]) Род. въ 1852 г. Еврей. Прошелъ Грод. гимн. и юрид. фак. Спб. унив. Служилъ по законод. отдѣл. Д. Мин. Юстиціи. Авторъ нѣск. крун. юрид. трудовъ. Кон.-дем.

скій, доказавшій въ своей рѣчи, что Гос. Совѣтъ можетъ имѣть характеръ лишь высшаго административнаго учрежденія, а не законодательнаго, при чемъ онъ онъ сдѣлалъ деп. Острогорскому комплиментъ съ рикошетомъ на самого себя, назвавъ его „товарищемъ, столь же компетентнымъ въ вопросахъ государственнаго права какъ и любой изъ профессоровъ, который находится въ нашемъ собраніи“. И гр. Гейденъ взялъ назадъ свою поправку. При голосованіи результатъ показался спорнымъ и пришлось прибѣгнуть къ баллотировкѣ раздѣленіемъ, при чемъ поправки были отвергнуты и принятъ большинствомъ текстъ комиссіи.

Такимъ образомъ Гос. Дума осудила на упраздненіе своего *товарища*. Не только за его составъ, но и по существу, какъ *средостѣніе*, мѣшающее ей захватить законодательную власть. И такой результатъ былъ достигнутъ несмотря на присутствіе въ Думѣ убѣжденныхъ двухпалатниковъ и лицъ, шедшихъ подъ знаменемъ „Царь и народъ“, которымъ слѣдовало бы предоставить Царю право выслушивать по законодательнымъ вопросамъ совѣтъ призванныхъ для этого людей. И такое-то Собраніе, столь легкомысленно и поверхностно рѣшившее одинъ изъ важнѣйшихъ конституціонныхъ вопросовъ, протягивало руки къ *полновластію*!

Тутъ же въ связи съ вопросомъ о Гос. Совѣтѣ было поднято дѣло о расширеніи правъ Гос. Думы—вопреки основнымъ законамъ—по цѣлому ряду вопросовъ. Проф. Ковалевскій потребовалъ расширенія бюджетнаго права Думы и предложилъ вставить въ адресъ слова: „мы не можемъ исполнять, Государь, нашего долга передъ Вами и народомъ, пока правительство сохранитъ право взиманія налоговъ по старому бюджету, при неутвержденіи новаго“. „Не выпускайте,—воскликнулъ онъ,—изъ вашихъ рукъ эту драгоцѣнную власть (распоряженіе народнымъ кошелькомъ), власть, которая Вамъ принадлежитъ по праву“.

Деп. Острогорскій предложилъ съ своей стороны „не вдаваться и здѣсь въ подробности и частности“ и потому замѣнить поправку Ковалевскаго другою—болѣе общею формулой, въ которой выражалось желаніе, чтобы „установленіе и взиманіе налоговъ и податей было подчинено волѣ народнаго представительства“. Эта формула и была принята. Такимъ образомъ деп. Острогорскій спасъ Гос. Думу отъ большого промаха, въ который ее хотѣлъ вовлечь проф. государственнаго права. Ибо, по предложенію проф. Ковалевскаго, Дума должна была бы объявить, что въ случаѣ несогласія между Думою и правительствомъ по какому-нибудь, хотя бы

не важному, бюджетному вопросу, дальнѣйшее взиманіе налоговъ и податей становится съ 1 января слѣдующаго года незаконнымъ. Другими словами, Дума должна была бы пригрозить правительству призракомъ Выборгскаго воззванія.

Какое же это государственное право, которое внушаетъ гражданамъ мысль, что ихъ обязанность платить установленные налоги можетъ прекратиться въ любое 1 января, если къ этому числу не состоится почему-нибудь утвержденіе росписи. Развѣ граждане платятъ налоги министерству или „кадетской“ Думѣ, а не государству, стоящему выше смѣняющихся министерствъ и Думъ? И какое же это будетъ жалкое государство, которое должно будетъ въ случаѣ ссоры между министрами и фютюръ-министрами объявить себя *несостоятельнымъ*, отречься отъ всѣхъ взятыхъ на себя обязательствъ— прекратить оплату купоновъ по государственнымъ займамъ, выдачу жалованья и пенсій своимъ многочисленнымъ служащимъ, распустить полицію и войска?

Еще наканунѣ проф. Ковалевскій, указывая въ обширной лекціи цѣлый рядъ *промаховъ* въ адресѣ, настаивалъ на расширеніи полномочій Гос. Думы. Эта лекція весьма характерна. Не попавъ въ составъ комиссіи, которой была поручена выработка

адреса, проф. Ковалевскій нашелъ нужнымъ прежде всего выяснить свое отношеніе къ адресу и къ господствующей партіи, его продиктовавшей. Онъ заявилъ, что принимаетъ адресъ въ общихъ чертахъ потому, что въ немъ выражены въ *значительной степени* тѣ самые идеалы, которымъ онъ служилъ „не со вчерашняго дня, а уже 30 лѣтъ, еще въ то время, когда не считалось моднымъ говорить о парламентаризмѣ, въ то время, когда съ теперешнимъ вашимъ предсѣдателемъ я издавалъ „Юридическій Вѣстникъ“ и т. д. „Я хвалю вашъ адресъ еще потому, что онъ выраженъ въ вѣжливыхъ, умѣренныхъ словахъ“.

„Видите, господа,—говорилъ далѣе проф. Ковалевскій,—что я готовъ итти съ вами рука въ руку, это вѣроятно повторится и во всѣхъ послѣдующихъ засѣданіяхъ Гос. Думы. Я другъ той партіи, которая называется партіей народной свободы, но я въ то же время сохраняю за собой свободу критики, свободу самостоятельнаго сужденія. И съ этой оговоркой вы только и можете разсчитывать на мою поддержку!“

Послѣ этого грознаго предостереженія проф. Ковалевскій поставилъ „кадетамъ“ на видъ промахи, которыя ими допущены, „промахи важные, очень существенные, и которыхъ вы могли бы избѣжать

прибавленіемъ нѣсколькихъ словъ“. Сюда имъ были отнесены отсутствіе всякихъ указаній на „слабые зародыши“ права законодательнаго почина и бюджетнаго права, права запроса, „которое въ законахъ 6 авг. и 20 февр. является не болѣе какъ насмѣшкой надъ народными представителями“, опущеніе требованія свободы петицій. Г. Ковалевскій, выразивъ свое порицаніе „одной изъ величайшихъ ошибокъ“, сдѣланныхъ адресомъ, состоявшей въ томъ, что въ немъ проводится старая теорія манчестерской школы, завершилъ свою критику словами: „Я не вижу, почему вы ни слова не сказали, какъ это обыкновенно дѣлается во всѣхъ адресахъ, насчетъ нашей будущей внѣшней политики“. Проф. государственнаго права очевидно забылъ, что онъ находится въ русской Гос. Думѣ, компетентность которой опредѣлена основными законами [1]), и вообразилъ, что онъ говоритъ на какомъ-нибудь митингѣ въ Парижѣ или Лондонѣ.

Примѣръ заразителенъ: если представитель государственнаго права на думской трибунѣ вторгнулся, по поводу адреса, въ область *дипломатіи*

---

[1]) Прим. Ст. 12-я Осн. Зак. гласитъ: Государь Императоръ есть верховный руководитель всѣхъ внѣшнихъ сношеній Россійскаго государства съ иностранными. Имъ же опредѣляется направленіе международной политики Россійскаго государства.

и заговорилъ о международномъ мирѣ, то представитель медицины пустился въ разсужденіе о военно-морскомъ вѣдомствѣ. Депутатъ Алексинскій [1]) поставилъ составителямъ адреса въ вину „непонятное умолчаніе по одному изъ важнѣйшихъ вопросовъ государственной жизни, непонятное забвеніе“ — объ арміи и флотѣ. И для того, чтобы никто не заподозрилъ его самого въ непонятномъ забвеніи основныхъ законовъ, г. Алексинскій прибавилъ: „Я убѣжденъ, что это умолчаніе обусловливается конечно не тѣмъ обстоятельствомъ, что вопросы объ арміи и флотѣ изъяты изъ вѣдѣнія Гос. Думы“. „Господа депутаты, для возрожденія нашей арміи, для возстановленія ея связи съ народомъ она должна находиться въ вѣдѣніи народа“. И въ силу этого депутатъ предложилъ — „во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній и подозрѣній насъ въ томъ, что мы соглашаемся на эти законы—вставить въ адресѣ слово *всѣ* передъ словомъ *министры*; это слово *всѣ* имѣетъ огромное значеніе“. Безцеремонное отношеніе къ *основнымъ* законамъ проявилось еще болѣе ярко въ возбужденіи вопроса о включеніи въ адресъ „права петицій“. Проф.

---

[1]) Род. въ 1872 г. Прив.-доц. Москов. хирургич. клиники. Участв. въ греко-турецкой войнѣ 1897 и въ войнѣ съ Китаемъ 1901. Состоитъ гласн. александр. уѣз. зем. Кон.-дем.

Ковалевскій поспѣшилъ притти здѣсь на помощь съ учебникомъ англійской исторіи, но саратовскіе трибуны сами знали свое дѣло и предпочитали степеннымъ формамъ англійскихъ „петиціонеровъ“ — *свои* способы. „Право петицій, провозгласилъ деп. Аладьинъ, мнѣ кажется, не просятъ, а прямо берутъ. Я желалъ бы знать, по какому праву станемъ мы, Гос. Дума, учрежденіе вполнѣ сформированное и имѣющее достаточное основаніе для того, чтобы принять отъ кого угодно и когда угодно петицію; по какому поводу мы отказались бы отъ этого права, или, вѣрнѣе, для чего мы поставили бы вопросъ надъ этимъ правомъ? Это право наше, мы его будемъ такъ или иначе реализовать въ жизни. Я не думаю, чтобы мы нуждались въ какой-либо санкціи для этого права“.

Наиболѣе времени заняло и на этотъ разъ обсужденіе *земельнаго* вопроса. Оно началось съ очень дѣльныхъ замѣчаній казанскаго депутата Лаврскаго [1]). Онъ предложилъ другую, болѣе удобопонятную редакцію отдѣла, находя, что въ редакціи комиссіи онъ „напоминаетъ передовую газетную статью“ и указывалъ на то, что такія выраженія,

---

[1]) Окончилъ Каз. унив. Прис. повѣр. Спеціалистъ по аграрнымъ дѣламъ. Трудовикъ, уже не молодой (Годъ рожденія не показанъ).

какъ „принятіе соотвѣтствующихъ законодательныхъ мѣръ“ затруднятъ сельское населеніе, а инородцамъ Казанской губерніи будутъ совсѣмъ непонятны. Онъ возражалъ также противъ выраженія: „народъ нетерпѣливо ждетъ удовлетворенія своей острой земельной нужды“ и противъ перечисленія земель, подлежащихъ принудительному отчужденію.

Но именно такое *перечисленіе* входило въ тактику составителей адреса. Они привлекли этимъ на свою сторону не только тѣхъ, кто былъ доволенъ этимъ перечисленіемъ, но и тѣхъ, кто пожелалъ его дополненія. Бессарабскій депутатъ Яновскій [1]) предложилъ вмѣсто „трудовое крестьянство“ сказать „безземельные и малоземельные земледѣльцы“, чтобъ не исключить мѣщанъ и однодворцевъ. Пермскій депутатъ Мухлынинъ [2]) просилъ не забыть городскихъ земледѣльцевъ. Латышскій депутатъ Чакете [3]) требовалъ включенія церковныхъ земель,

---

[1]) Род. въ 1864 г. Коп.-дем. Крупный землевладѣлецъ. Окон. Бак. р. уч. и Никол. кав. уч. Былъ 10 лѣтъ на воен.службѣ, 9 лѣтъ состоялъ зем. гл., 3 г. зем. нач., уволенъ при Плеве. Писалъ по кр. вопросу.

[2]) Род. въ 1866. Безпартійный. Окончч. унив. Служ. зем. нач., предсѣд. Верхотур. зем. упр.

[3]) Род. въ 1859. Окончч. Моск. унив., прис. пов. Ред. лат. газ., глас. Митав. думы.

такъ какъ въ Прибалтійскомъ краѣ пасторы, кромѣ доходовъ съ прихожанъ, имѣютъ еще доходъ съ земли, отдаваемой въ аренду.

На присутствовавшихъ въ Думѣ крестьянъ это мѣсто адреса произвело различное впечатлѣніе. „Я—Стефанюкъ [1]), крестьянинъ Подольской г., Гайворонскаго уѣз.“ и т. д., началъ свою рѣчь одинъ изъ нихъ и затѣмъ сталъ говорить о бѣдности крестьянина и о томъ, что онъ „все царство, всю казну держитъ, все войско кормитъ“. По этому случаю онъ сталъ разсказывать, какъ у нихъ начальство собирало деньги на войну по 50 к. и по рублю. И эти деньги бѣдные солдатики не получили. „Выходитъ такъ, что начальство, не имѣя поля, живетъ только на деньги и выходитъ такъ, что ему и безъ дождя „урожай идетъ“. Закончилъ онъ свою рѣчь заявленіемъ, что считаетъ адресъ *хорошимъ* и проситъ „утвердить и представить его нашему Батюшкѣ Царю“.

Противоположное впечатлѣніе произвелъ адресъ на могилевскаго крестьянина Коренькова [2]): „Господа, крестьяне, обращаюсь къ вамъ со словомъ,

---

[1]) (въ спискѣ Штефанюкъ). Род. въ 1863. Трудовикъ. Крест. Оконч. народ. уч. Былъ волост. судьей.

[2]) Род. въ 1872 г. Безпартійный. Кр. Оршанскаго у. Занимается также портняжнымъ мастерствомъ. Низш. образов.

что насъ дѣйствительно въ этомъ адресѣ Государю Императору желаютъ обойти; насъ всѣ забыли. Когда насъ нужно было помѣстить на второй строкѣ послѣ амнистіи — насъ забыли и говорятъ: нѣтъ времени, нѣтъ мѣста. Я утверждаю, что это не такъ. Для нашихъ крестьянскихъ нуждъ есть еще широкая строка... Первая наша нужда земля, вторая—образованіе. Крестьяне! Первое нужно просить Государя Императора, чтобъ онъ помогъ намъ бороться съ нашими соперниками". „Числомъ насъ крестьянъ много, но образованныхъ у насъ совсѣмъ мало; мы ничего не понимаемъ, но сердце наше бьется любовью къ родинѣ".

Приведенная рѣчь вполнѣ подтверждаетъ высказанное деп. Лаврскимъ опасеніе, что адресъ будетъ непонятенъ для крестьянъ. Не у однихъ крестьянъ однако возбудило большое недоумѣніе то мѣсто, гдѣ говорилось о принудительномъ отчужденіи земель частновладѣльческихъ. Потому оно и вызвало цѣлый рядъ поправокъ. Гр. Гейденъ возражалъ противъ этой формулы, находя, что въ ней не указаны никакіе предѣлы отчужденія и предлагалъ не предрѣшать въ адресѣ никакого вопроса. Кн. Волконскій хотѣлъ своей поправкой предотвратить толкованіе, что рѣчь идетъ „объ уничтоженіи частной собственности (на землю) во-

обще, какое придавали этому мѣсту нѣкоторые члены Гос. Думы". Совершенно такое же опасеніе высказалъ и депутатъ области Войска Донскаго, Ефремовъ [1]) и потому предложилъ внести слова: „необходимую часть частновладѣльческой земли". Виленскій депутатъ Яловецкій [2]) предложилъ предпослать выраженію: *принудительное отчужденіе* слова „даже въ необходимыхъ случаяхъ"... Противъ такихъ ограничительныхъ дополненій высказался депутатъ Якушкинъ. „Нельзя говорить, что земля будетъ отчуждаться въ случаѣ крайней необходимости, если не сказать, какъ мы понимаемъ эту необходимость".

Глубже всего вошелъ въ обсужденіе вопроса деп. Савельевъ [3]) Онъ указалъ на то, что комиссія поставила въ адресѣ земельный вопросъ такъ, какъ будто онъ имѣетъ только классовое значеніе или даже сословное,—тогда какъ онъ имѣетъ прежде всего *широкое государственное значеніе*. Онъ замѣтилъ далѣе, что однимъ надѣленіемъ земель этого вопроса разрѣшить нельзя. Дѣло не въ одномъ

---

[1]) Безпартійный. Съ высшимъ образованіемъ, крупный землевладѣлецъ.

[2]) Автономистъ. Инженеръ Мин. Пут. Сообщенія.

[3]) Род. въ 1848 г. Коп.-дем. Деп. гор. Нижній Новгородъ. Оконч. юрид. фак. Каз. унив. Служилъ по миров. институт. Гласный губ. зем. Предс. губ. зем. упр. въ 1900 г.

только земельномъ благосостояніи, но и въ заработкахъ, и въ подтвержденіе привелъ въ примѣръ свою губернію, въ южныхъ черноземныхъ уѣздахъ которой съ благопріятной черноземной почвой бываютъ недоимки отъ 10 до 14 р., тогда какъ въ сѣверной части, со скудной почвой, въ одномъ уѣздѣ недоимка была 1 р. 64 к., а въ другомъ—всего 18 коп.

Принудительное отчужденіе вызвало вопросъ о *справедливой оцѣнкѣ*, и это подало поводъ къ весьма знаменательной для „кадетской“ тактики выходкѣ.

Когда деп. Ярцевъ [1]) предложилъ внести въ адресъ слова по *справедливой оцѣнкѣ*, докладчикъ комиссіи Набоковъ отвѣтилъ, что этотъ вопросъ „не подвергался обсужденію въ комиссіи, *такъ какъ это разумѣется само собою*“. Два мѣсяца спустя, когда въ предпослѣднемъ засѣданіи Г. Думы обсуждался текстъ *воззванія* къ народу и было повторено предложеніе внести въ его текстъ слова по *справедливой оцѣнкѣ*, это предложеніе было отвергнуто подъ тѣмъ предлогомъ, что этихъ словъ *нѣтъ* въ адресѣ.

Весь смыслъ этого *краснорѣчиваго* молчанія въ адресѣ и всю глубину „кадетской“ тактики вѣдалъ трудовикъ Шапошниковъ, членъ комиссіи: „мое

---

[1]) Род. въ 1856. Безпартійный. Оконч. Спб. мед.-хир. академію. На зем. службѣ 17 лѣтъ.

личное мнѣніе, что принудительное отчужденіе должно быть платное, но не всегда; бываютъ такіе случаи, когда отчужденіе должно быть безплатнымъ, но я не хочу подробно говорить объ этомъ, чтобы не затягивать преній, я только скажу, что комиссія въ полномъ своемъ составѣ, ничего не упоминая объ этомъ въ адресѣ, не можетъ согласиться съ мнѣніемъ г. Набокова.

Вопросъ о *націонализаціи* отчужденной земли, занявшій потомъ такое важное мѣсто въ преніяхъ Думы, не былъ затронутъ комиссіей. Его слегка коснулся депутатъ Остафьевъ. „Я лично врагъ націонализаціи земли, можетъ быть со временемъ и возможна соціализація и націонализація земли, но не теперь. Въ настоящее время крестьянинъ такъ цѣпко держится за свою собственность, за свою землю, что я думаю: онъ никогда на это не пойдетъ“.

Противъ націонализаціи земли говорилъ и депутатъ изъ группы западныхъ окраинъ—Понятовскій: „Я думаю, что принудительное отчужденіе безъ всякихъ ограниченій можетъ быть понято многими въ нежелательномъ смыслѣ націонализаціи земли. Я возражаю противъ идеи націонализаціи и думаю, что я не одинъ, и что многіе члены Думы меня поддержатъ“.

„Господа, передъ нами цѣлый рядъ мѣръ, кото-

рыя мы должны принять, не ограничивающихся однимъ малоземельемъ. Малоземелье существуетъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ; есть мѣстности, въ которыхъ крестьяне не обрабатываютъ всей своей земли и несмотря на это голодаютъ. Россія громадна, условія въ ней самыя разнообразныя, мѣстныя условія надо знать и изучить; нужно понять желаніе населенія, издать законы, соотвѣтствующіе этимъ желаніямъ".

Волынскаго депутата поддержалъ Гродненскій депутатъ—автономистъ Сонгайло [1]). „Аграрный вопросъ, сказалъ онъ, очень сложенъ, а въ отвѣтѣ на тронную рѣчь я вижу, мы уже поставили его въ совершенно конкретныя формы, которыя по отношенію къ нашей дальнѣйшей дѣятельности и по отношенію къ интересамъ отдѣльныхъ народностей могутъ быть даже вредными". Въ этомъ направленіи говорилъ и минскій депутатъ—автономистъ кн. Друцкой-Любецкій [2]). „Народъ страдаетъ отъ малоземелья и отъ малопроизводительности земли. Для удовлетворенія этихъ нуждъ имѣется, быть можетъ, столько же средствъ, сколько имѣется

---

[1]) Род. въ 1866 г. Окон. вил. кат. сем. Ксендзъ изъ Пружанъ.

[2]) Род. въ 1861. Окон. юрид. ф. Спб. унив. Былъ член. зем. упр. Пред. прав. ком. банка.

различныхъ національностей и каждая національность имѣетъ свои особенные идеалы и законныя стремленія къ удовлетворенію своихъ потребностей".

„Я самъ росъ среди народа и знаю, что этотъ простой сельскохозяйственный народъ Бѣлоруссіи имѣетъ также свои идеалы. Его идеалъ—земля Божья, но и народъ Божій; поэтому онъ считаетъ, что эта Божья земля должна принадлежать своему Божьему народу, т.-е. что нужды даннаго мѣста, нужды данной національности должны быть удовлетворены согласно съ идеалами этой національности. Одна законодательная, ко всѣмъ примѣненная мѣра, всѣхъ удовлетворить не можетъ. Одинъ изъ идеаловъ сельскаго населенія нашей мѣстности—это есть именно идеалъ собственности". На основаніи этого депутатъ предложилъ прибавить къ словамъ о принудительномъ отчужденіи „сообразно съ нуждами и желаніями мѣстнаго населенія" (*Дружные аплодисменты*).

Депутаты польскихъ губерній держались, какъ и при общихъ преніяхъ объ адресѣ, въ сторонѣ. Только въ концѣ одинъ изъ нихъ, д. Парчевскій [1]) возразилъ д. Шапошникову, что онъ ошибочно представилъ польскихъ депутатовъ противниками

---

[1]) Род. въ 1850. Оконч. Варш. унив. Прис. пов. Литераторъ и публицистъ. Нац.-дем.—2 раза б. арестованъ.

отчужденія земли и, сославшись на рѣчь д. Наконечнаго, прибавилъ: „Вообще мы не входили въ существо дѣла. Мы сдѣлали только заявленіе, что въ Царствѣ Польскомъ крестьянскій вопросъ долженъ быть рѣшенъ мѣстными представителями Царства Польскаго“.

Всѣ эти рѣчи и оговорки были напрасны. Утомленные депутаты ихъ не слушали, и „половина мѣстъ“ пустовала, какъ видно изъ словъ гр. Гейдена, безуспѣшно настаивавшаго на перерывѣ. Депутаты нетерпѣливо ожидали давно намѣченнаго результата. Въ виду этого результата отвергались всѣ ограничительныя поправки—между прочимъ и поправка гр. Гейдена вмѣсто словъ *принудительное отчужденіе* сказать: „не останавливаясь даже передъ принудительнымъ отчужденіемъ земель частновладѣльческихъ, какъ мѣры, обусловленной государственной важностью земельнаго вопроса“.

„Кадеты“ побѣдили! Надъ всей Россіей было поднято зловѣщее знамя принудительнаго отчужденія частныхъ земель безъ ограниченій и исключеній! Но побѣдили не доктринеры, мечтавшіе облагодѣтельствовать свою родину по рецепту американскаго теоретика—побѣдила на самомъ дѣлѣ исконная, доморощенная, не забытая на Волгѣ пугачевщина. Членъ комиссіи Аникинъ выдалъ секретъ,

какъ онъ и его единомышленники понимали принципъ отчужденія. „Тотъ проектъ адреса, сказалъ онъ, который мы здѣсь разсматриваемъ,—явился плодомъ соглашеній. Земельная программа, которую мы выставляемъ въ адресѣ, является для крестьянъ, какъ говорится, минимумомъ того, на что мы могли въ адресѣ согласиться“. Онъ успокоивалъ однако своихъ единомышленниковъ, открывая предъ ними утѣшительную перспективу въ будущемъ: „Основываясь на этомъ, я думаю, что все, что сказано въ проектѣ адреса, можно принять, потому что, если все это будетъ дано въ такой мѣрѣ, то мы можемъ удовлетвориться, и такъ распредѣлить земли, какъ мы находимъ нужнымъ. Но я думаю, что если бы мы взяли земли удѣльныя, кабинетскія, монастырскія, церковныя и частновладѣльческія, то при настоящихъ условіяхъ, которыя царятъ въ Россіи, эти земли намъ бы отводили: полиція, земскіе начальники, казаки съ пушками, пулеметами и ружьями, и возможно, что насъ бы обошли, и мы вмѣсто земли ничего бы не получили. Я предлагаю то, что написано въ проектѣ адреса, потому, что мы вкладываемъ въ него свое крестьянское содержаніе и этимъ можемъ удовлетвориться. Когда же будетъ вноситься законъ о землѣ, онъ будетъ внесенъ очень скоро, мы по-

дробно и обстоятельно разсмотримъ этотъ законъ, и скажемъ свое вѣское слово, и скажемъ, какія земли нужно взять. Вотъ мы тогда скажемъ, что Дума только постановила законъ, но самое разсмотрѣніе и разработку его, и самыя условія, при которыхъ этотъ законъ можетъ быть примѣненъ, будутъ разсмотрѣны на мѣстѣ. Разсмотрѣны на мѣстѣ комиссіей, которая изберется всеобщимъ голосованіемъ, гдѣ крестьянскихъ голосовъ будетъ такъ много, что насъ не обойдутъ".

И другой еще депутатъ [1]) обнаружилъ въ этихъ преніяхъ свою компетентность въ разрѣшеніи государственныхъ вопросовъ. Высказавши сожалѣніе, что въ манифестѣ 3 ноября не было полной отмѣны выкупныхъ платежей, депутатъ заявилъ: „Если правительство, сидя верхомъ на крестьянствѣ, не удержалось за гриву, то не удержится и на хвостѣ".

Предсѣдатель не счелъ нужнымъ остановить оратора, предполагая вѣроятно, что и это относится къ дѣлу.

Лавры, которые стяжалъ деп. Аникинъ при рѣшеніи крестьянскаго вопроса, не давали покоя деп. Аладьину, и онъ при обсужденіи рабочаго вопроса

[1]) Ворсобинъ. Трудовикъ. Род. въ 1872 г. Крест., учился въ сельской школѣ и Скопинскомъ реальн. уч. (4 класса). Десятникъ на Ряз.-Ур. ж. д.

высказался въ подобномъ же духѣ—т.-е. совѣтовалъ товарищамъ-рабочимъ, отвергавшимъ адресъ, отказаться отъ протеста, разсчитывая въ будущемъ на собственныя силы. „Мнѣ кажется, товарищи-рабочіе, что есть вещи, которыхъ и не просятъ и даже не требуютъ, но которые устраиваютъ. Къ числу такихъ вещей принадлежитъ—учредительное собраніе. Когда нація доведена до того момента, что революція становится неизбѣжной; когда побѣдоносный народъ взялъ въ свои руки все, тогда учредительное собраніе учреждается безъ просьбъ, само собою. Вы согласитесь, что такъ было всегда. Не думаю, чтобы бывало иначе въ какой-либо другой странѣ“. Настаивая на томъ, чтобы сохранить редакцію, предложенную комиссіей, относительно рабочихъ, д. Аладьинъ выразилъ увѣренность, что рабочій классъ сумѣетъ разобраться въ своемъ дѣлѣ. „Рабочій классъ немедленно долженъ взять въ свои руки все свое дѣло и создать рядъ организацій, въ которыхъ онъ дѣйствительно нуждается. Пусть рабочій возьметъ это дѣло въ свои руки, разсмотритъ его со всѣхъ сторонъ, обсудитъ. Наша же обязанность устроить лучшую Думу, такую Думу, въ которой рабочій классъ будетъ представленъ, какъ слѣдуетъ“.

На приглашеніе, чтобы рабочіе взяли свое дѣло

въ свои руки, не могъ не отозваться деп. Михайличенко. Онъ призналъ мысль д. Аладьина „совершенно вѣрной“ и въ подтвержденіе того, что рабочіе уже достойны этого и созрѣли для этого, сталъ описывать ихъ участіе въ освободительномъ движеніи. „Рабочій классъ шелъ, не обращая внимація ни на что. Онъ трупъ за трупомъ клалъ. Рѣка крови лилась по улицамъ, по городамъ, вездѣ онъ оставался одинъ“. Впрочемъ тутъ же г. Михайличенко призналъ, что „съ нимъ было трудовое крестьянство, да трудовая интеллигенція, которая имъ указывала пути“.

Онъ заключилъ свою рѣчь словами: „Мы, какъ представители рабочихъ, должны подчеркнуть, что мы требуемъ учредительнаго собранія, свободно избраннаго всѣмъ народомъ безъ различія и т. д. Этого требуетъ соціалъ-демократическая партія, этого требуютъ мученики рабочіе, которыхъ никакая подачка не удовлетворитъ. Они требуютъ полнаго обезпеченія и счастья, они хотятъ такъ же жить, какъ и тѣ, на кого они работаютъ, они не хотятъ работать на паразитовъ, они не хотятъ жить гдѣ-то на чердакахъ и въ подвалахъ“.

При обсужденіи поправокъ снова всплыло и предложеніе проф. Ковалевскаго произвести въ адресѣ диверсію въ область внѣшней политики. Тутъ обна-

ружился курьезъ, что умѣренные депутаты, гр. Гейденъ и Остафьевъ, выразили свое сочувствіе этому предложенію, „кадетскіе“ же депутаты—Набоковъ, кн. Шаховской, Родичевъ, Якушкинъ очень энергично противъ него возражали. При этомъ вышедшій изъ состава этой партіи архангельскій деп. Галецкій [1]) высказался слѣдующимъ образомъ:

„Мнѣ трудно возражать противъ многоуважаемаго проф. М. М. Ковалевскаго, но я не могу не указать, что то, что глубоко продумано и понято уважаемымъ профессоромъ, то можетъ быть не продумано и не понято нами“. На этомъ предсѣдатель, не обратившій вниманія на слова Ворсобина, что „правительство не удержится на хвостѣ“, замѣтилъ оратору, что подобное предположеніе онъ не имѣетъ основаній дѣлать отъ лица всей Думы. Слова предсѣдателя были покрыты аплодисментами. Поправка была отвергнута, и этотъ результатъ также почему-то встрѣченъ аплодисментами.

Лучшую участь имѣло предложеніе деп. Онацкаго, бывшаго военнаго писаря, внести въ адресъ указаніе на необходимость улучшенія военнаго быта.

---

[1]) Род. въ 1874 г. Учился въ Пензенской гимн., затѣмъ въ Воен.-мед. академіи. Частный повѣр. Ред.-изд. Сынъ сосланнаго поляка.

[2]) Род. въ 1868 г. Низшее образ. Католикъ. Волост. старшина.

Онъ находилъ это нужнымъ для того, „чтобы сразу не породить вражды между Думой и войскомъ“. При этомъ депутатъ посѣтовалъ также и на то, что „не внесено о снятіи церковной опеки и упорядоченіи духовенства,—это тоже для нашего мужичка будетъ пріятно, потому что въ настоящее время мужичокъ видитъ въ священникѣ не пастыря, а обиралу“.

Докладчикъ комиссіи заявилъ, что предложеніе деп. Онацкаго высказано слишкомъ неопредѣленно, и полагалъ, что лучше ограничиться текстомъ комиссіи.

Но предложеніе объ улучшеніи военнаго быта было поддержано депутатомъ Жуковскимъ, а одесскій деп. Щепкинъ заявилъ, что онъ вносилъ въ комиссію предложеніе вспомнить въ адресѣ также и армію и флотъ, но оно было отвергнуто 3 голосами. „Я, какъ представитель побережья Чернаго моря, позволилъ себѣ сдѣлать это предложеніе, такъ какъ я имѣю напутствіе черноморскихъ матросовъ—вспомнить ихъ“.

Въ предложенной депутатомъ поправкѣ онъ говорилъ впрочемъ не объ улучшеніи быта нижнихъ чиновъ, но о „введеніи началъ справедливости и права въ условія отбыванія воинской повинности“.

Членъ комиссіи депутатъ Кузьминъ-Караваевъ ука-

залъ на это противорѣчіе и на необходимость большой осторожности въ данномъ вопросѣ. Онъ могъ бы сослаться при этомъ и на основные законы [1]). Но другой членъ комиссіи далъ дѣлу неожиданный оборотъ. Онъ сталъ утверждать, что Г. Дума уже доказала свою заботу о солдатѣ. „Когда мы говоримъ объ отвѣтственности *всѣхъ* министровъ передъ Думой,—воскликнулъ деп. Родичевъ,—когда мы говорили о правѣ запроса *каждаго* министра отвѣчать передъ Думой, то мы говорили о желаніи Думы заботиться объ упорядоченіи военнаго дѣла".

Однако Гос. Дума не удовольствовалась этимъ косвеннымъ выраженіемъ своихъ притязаній и большинствомъ 251 противъ 78 при 19 воздержавшихся приняла предложеніе о включеніи въ адресъ добавленія, предложеннаго деп. Щепкинымъ.

Мы подходимъ къ *абзацу*, особенно знаменательному для настроенія Гос. Думы и представленныхъ въ ней партій, абзацу, заключавшему въ себѣ слова: „страна жаждетъ амнистіи, распространенной на всѣ, предусмотрѣнныя уголовнымъ закономъ дѣянія, вытекавшія изъ побужденій религіозныхъ

---

[1]) Прим. Въ статьѣ 14-й сказано, что Государь „опредѣляетъ устройство арміи и флота и издаетъ указы и повелѣнія относительно: ...прохожденія службы чинами арміи и флота и всего вообще относящагося до устройства вооруженныхъ силъ" и т. д.

или политическихъ, а также на всѣ аграрныя правонарушенія. Есть требованія народной совѣсти, въ которыхъ нельзя отказывать, съ которыми нельзя медлить, Государь!“

Амнистіи была посвящена первая рѣчь, сказанная въ стѣнахъ Таврическаго дворца: тотчасъ по избраніи предсѣдателя деп. И. Петрункевичъ заявилъ, что „свободная Россія требуетъ освобожденія всѣхъ пострадавшихъ“. Амнистія затѣмъ подробно обсуждалась на второмъ и на третьемъ засѣданіи, но чтобы не дробить вопроса, мы касаемся его по поводу заключительнаго отдѣла адреса. Пренія открылъ въ засѣданіи 29 апрѣля деп. Родичевъ. Глава движенія, принявшаго революціонный характеръ и увлекшаго много жертвъ, несомнѣнно обязанъ вспомнить о нихъ въ день своего торжества, и деп. Петрункевичъ и Родичевъ исполнили свой долгъ; послѣдній *началъ* свою рѣчь въ корректномъ тонѣ. Онъ напомнилъ, что „вопросъ этотъ не закономъ долженъ разрѣшаться. Амнистія и помилованіе—это прерогативы Монарха“. „Мы не законы постановляемъ, мы явились сюда для того, чтобы сказать то слово, которое является не нашимъ только желаніемъ,—оно является выраженіемъ желанія и мольбы народа“.

Но кто пилъ изъ революціоннаго кубка, тому

трудно объ этомъ забыть: революціонный хмѣль сильнѣе всякаго другого. „Я хотѣлъ бы,—продолжалъ деп. Родичевъ,—чтобы оно не стало выраженіемъ требованія русскаго народа. Пока еще есть время высказать желаніе амнистіи, выскажемте же его въ формѣ желанія. Быть можетъ черезъ нѣсколько дней будетъ поздно, и оно будетъ выражено въ формѣ требованія“.

Итакъ за „мольбой“ непосредственно слѣдовала революціонная угроза. Ораторъ въ концѣ своей рѣчи сдѣлалъ неудачное сопоставленіе лицъ, для которыхъ онъ требовалъ амнистіи, съ апостоломъ Петромъ: „онъ былъ преступникомъ противъ общаго права, онъ отсѣкъ ухо; преступленіе не политическое, но оно было совершено во имя любви и во имя любви всѣ подобныя (?) преступленія должны быть прощены, хотя бы люди сдѣлавшіе ихъ, не обладали чистотой апостола“. Но почему же г. Родичевъ не вспомнилъ объ этомъ раньше и не говорилъ подражателямъ Петра слова самого Учителя: „вложи мечъ въ ножны?“

Деп. Родичевъ намѣтилъ путь; депутаты трудовики его обогнали: „Вы слышали,—заявилъ деп. Аникинъ,—призывъ къ милосердію, я не буду такъ говорить, я не буду говорить о милосердіи, я буду говорить о справедливости. Здѣсь говорили о томъ,

что нужно простить заблудшихъ, а я скажу: нужно освободить невинныхъ“. Цѣлой октавой выше взялъ слѣдующій ораторъ—Аладьинъ: „Я не буду говорить вамъ ни о прощеніи, ни о справедливости. Я обращаюсь не къ вамъ, я знаю, что среди васъ не найдется ни одного, который осмѣлился бы подумать о томъ, что мы не должны дать такъ называемой амнистіи. Я обращаюсь къ тѣмъ, у кого есть еще время хоть на одинъ моментъ понять, съ кѣмъ они имѣютъ дѣло, и съ кѣмъ они встрѣтились лицомъ къ лицу. За нами страна,—и городъ и деревня стоятъ за нами и пойдутъ за нами. Мы предоставляемъ послѣднюю возможность понять насъ и примирить насъ актомъ, который ускоритъ появленіе нашихъ братьевъ въ нашей собственной средѣ. Я обращаюсь къ тому, кто можетъ, съ простыми ясными словами: пощадите нашу родину, возьмите дѣло въ свои руки и не заставьте насъ взять его въ свои собственныя!“

Плотина была сорвана, и улица заговорила уже не объ амнистіи, а прямо о революціи. Деп. Ершовъ [1]) убѣдительно просилъ своихъ товарищей, возможно единодушнѣе рѣшить дѣло и „дать всему пролетаріату увѣренность“; „поддержите въ немъ

---

[1]) Род. въ 1878 г. Соц.-дем. Окоп. 2-кл. гор. уч. Рабочій Каз. порох. завода.

вѣру, что вы народные представители, потому что въ той будущей борьбѣ, которая возможна при осуществленіи намѣченныхъ вами реформъ, вамъ придется столкнуться лицомъ къ лицу съ той темной реакціей, для побѣды надъ которой необходима поддержка пролетаріата“.

Трудовикъ Жилкинъ [1]) по своему обыкновенію рекомендовалъ себя мирнымъ человѣкомъ: „Я мирный человѣкъ, я слабый человѣкъ, но всѣмъ сердцемъ, всей душой я чувствую, что къ великому ужасу, къ великому огорченію время просьбъ прошло и кануло безвозвратно“. „Я говорю и подчеркиваю *требованіе*, а не *просьба*“. „Если требованія не будутъ удовлетворены, мы, можетъ быть, уйдемъ отсюда, отойдемъ, можетъ быть, въ сторону, но пусть тогда народъ встанетъ лицомъ къ лицу съ тѣми, которые не удовлетворили нашихъ требованій“.

Все далѣе и далѣе удалялись ораторы отъ понятія амнистіи. Деп. Галецкій заявилъ: „Здѣсь было сказано слово прощеніе. Я изъ всѣхъ силъ души протестую противъ этого слова“.

Депутатъ Шапошниковъ, сравнивъ заключенныхъ

---

[1]) Род. въ 1874 г. Мѣщ. Уч. въ гор. уч. Служилъ писаремъ въ Вольской мѣщ. управѣ, потомъ посвятилъ себя журналистикѣ.

съ плѣнниками и заложниками, пояснилъ, что они томятся въ тюрьмахъ не потому, что они преступники, а потому что они борцы, потому что добивались того, чего мы здѣсь добиваемся. „Эти люди сдѣлали больше, чѣмъ мы сдѣлаемъ здѣсь, сидя въ Думѣ“.

Огульная идеализація заключенныхъ достигла еще болѣе высокой степени въ рѣчи деп. Сѣдельникова. Въ аграрныхъ безпорядкахъ, въ нашихъ политическихъ преступленіяхъ онъ видѣлъ „итогъ нашей исторіи, итогъ точный и безошибочный“. „Та роскошь, то золото, брилліанты, воскликнулъ онъ, которыя я здѣсь видѣлъ, эти огромныя зданія столицы—откуда все это явилось?—если это не ихъ трудъ, не ихъ потъ, не ихъ достояніе“.

Нельзя удивляться, если люди мало образованные вызываютъ въ нескладныхъ рѣчахъ призракъ революціи, играютъ съ нимъ, какъ дѣти съ огнемъ! Понятно это въ особенности со стороны представителей *стихійной революціи*, каковыми были *трудовики*. Но къ нимъ присоединился „кадетъ“, профессоръ-юристъ, товарищъ предсѣдателя Гос. Думы. Деп. Гредескулъ нашелъ нужнымъ вступиться за Аладьина. Хотя, сказалъ онъ, сдѣланное Аладьинымъ заявленіе встрѣтило неудовольствіе съ нѣкоторыхъ сторонъ, но если его разсмотрѣть

глубже и вдуматься объективно, то это заявленіе окажется вполнѣ справедливымъ. Онъ сказалъ, что если тѣ, кто теперь томится въ неволѣ, не будутъ освобождены въ порядкѣ справедливости или милости, то они будутъ освобождены самимъ народомъ. Это—дѣло чести для русскаго народа. Значитъ то, что сказалъ деп. Аладьинъ, совершенно правда. Оговорившись затѣмъ, что заявленіе Аладьина имѣло форму вызова и угрозы, а этого не слѣдуетъ дѣлать, проф. Гредескулъ однако самъ заговорилъ о томъ, что „народъ долженъ или этого добиться или погибнуть“. „Конечно, если дѣло дойдетъ до такой крайности, что придется обѣимъ сторонамъ помѣриться физическими силами, то и тогда, я увѣренъ, народъ побѣдитъ. Но если бы даже оказалось, что побѣдитъ не народъ, а грубая физическая сила, то народъ долженъ итти и при этихъ условіяхъ, чтобы попытаться устранить то, что теперь совершается“.

Вслѣдъ за этимъ было единогласно постановлено возложить на комиссію по составленію адреса обязанность включить въ него указаніе на „безусловную необходимость объявленія нынѣ же полной амнистіи по всѣмъ дѣламъ религіознымъ, аграрнымъ, политическимъ“.

Несмотря однако на это единогласное постано-

вленіе, вопросъ возникъ вновь на слѣдующій день вслѣдствіе двухъ предложеній ускорить амнистію. Одно—исходившее отъ московскаго рабочаго, деп. Чурюкова—посредствомъ посылки объ этомъ телеграммы на имя Государя Императора, другое—отъ деп. Корнильева [1]) о томъ, чтобы Дума „выразила Государю свою непреклонную волю или, что то же, волю всего народа“ черезъ своего предсѣдателя, при чемъ Чурюковъ находилъ, что до полученія амнистіи Думѣ невозможно приступать къ очереднымъ дѣламъ. Казанскій профес. Шершеневичъ [2]), возражая противъ этихъ предложеній, выразилъ опасеніе, что выдѣленіе изъ адреса вопроса объ амнистіи можетъ вызвать конфликтъ. „Конфликта, сказалъ онъ, бояться намъ нечего, но вопросъ въ томъ, какой конфликтъ и на какой почвѣ его можно устроивать“. Если будетъ послана телеграмма или депутація и не получится удовлетворительнаго отвѣта, конфликтъ будетъ неизбѣженъ, но онъ нежелателенъ на этой почвѣ. Народъ послалъ своихъ избранниковъ съ требованіемъ земли и воли, и Думѣ нельзя пріостанавливать своихъ

---

[1]) Род. въ 1869 г. Трудовикъ. Оконч. Каз. унив. Земскій врачъ въ Вятской губ.

[2]) Род. въ 1863 г. Коп.-дем. Ординарный проф. Каз. ун. по каѳедрѣ гражд. права и судопроизв.

занятій до разрѣшенія этого вопроса. „Не надо обманывать себя, что въ настоящую минуту мы и правительство составляемъ двѣ, скажемъ прямо, враждующихъ стороны. Понятно, что каждая сторона выбираетъ моментъ наиболѣе выгодный для сраженія. Можетъ быть правительству было бы наиболѣе пріятно принять бой сейчасъ, въ первый же моментъ“, пока Дума не высказала желанія всей страны. „Мы конфликта не боимся, и партія народной свободы сказала, что она не будетъ избѣгать конфликта, но пусть этотъ конфликтъ произойдетъ тогда, когда мы съ увѣренностью можемъ сказать, что съ нами безусловно весь народъ, что народъ намъ не броситъ упрека, что мы рано оставили работу. Вотъ когда мы поставимъ аграрный вопросъ, вопросъ о свободахъ, тогда мы можемъ быть увѣрены, что съ нами народъ“.

Проф. Гредескулъ глубоко вдохновился рѣчью своего коллеги по юриспруденціи, такъ часто произносившего слово *конфликтъ*. „Я совершенно согласенъ съ Шершеневичемъ, что не нужно дѣлать конфликта, но что конфликтъ неизбѣженъ, если амнистія не будетъ дана. За насъ стоитъ народъ, весь народъ.—Это ясно и понятно. Этотъ народъ, если наши требованія не будутъ исполнены, добьется исполненія этихъ требованій. Тогда будетъ

двинутъ въ ходъ ужасный механизмъ, котораго мы всѣ боимся, и мы, во всякомъ случаѣ, желаемъ, чтобы дѣло обошлось безъ него, такъ такъ мобилизовать его еще рано. Тому, отъ кого это зависитъ, мы не будемъ ставить ультиматума, который самъ по себѣ невольно отталкиваетъ... Еще нѣсколько дней мы должны дать имъ на размышленіе, ибо если будетъ нежеланный отвѣтъ, то все равно конфликтъ неизбѣженъ. Мнѣ кажется, заключилъ свою рѣчь товарищъ предсѣдателя Думы, что ультиматумъ намъ ставить совершенно не слѣдуетъ еще въ теченіе нѣсколькихъ дней!“

Итакъ проф. Гредескулъ, несмотря на свое согласіе съ Шершеневичемъ, который отсрочивалъ конфликтъ до возбужденія аграрнаго вопроса, предвидѣлъ ультиматумъ и конфликтъ уже въ ближайшемъ будущемъ.

Примѣръ профессоровъ-юристовъ, такъ развязно говорившихъ о неизбѣжномъ конфликтѣ, не могъ не вызвать на сцену всегда „мирнаго человѣка“ Жилкина. „Товарищи-рабочіе, товарищи-крестьяне (*аплодисменты*), нужно ли намъ говорить, что мы менѣе всего боимся конфликта, менѣе всего боимся разрыва, но разрывъ этотъ долженъ произойти такимъ образомъ, чтобы за нами стояли не отдѣль-

ныя группы и лица, а вся страна, которая насъ прислала“.

О настроеніи Собранія, о его неспособности различать и соблюдать предѣлъ своихъ полномочій, свидѣтельствуетъ слѣдующій случай.

Деп. Витебской губ. ксендзъ Трасунъ [1]), присоединившійся къ требованію амнистіи съ оговоркою: „мы должны ее потребовать, но дѣлать это такъ круто“... былъ прерванъ предсѣдателемъ словами: „Нельзя ли избѣжать слова *требовать*. Я нахожу его въ данномъ случаѣ неподходящимъ“. Но предсѣдателя въ свою очередь прервали голоса: „Почему? *требовать*. Именно *требовать*“. (*Аплодисменты*).

Затѣмъ московскій депутатъ Савельевъ объявилъ, что вопреки запрещенію градоначальниковъ въ Москвѣ и Петербургѣ, на слѣдующій день, 1 мая, будутъ происходить манифестаціи рабочихъ съ кличемъ *амнистія*, и заключилъ: „поэтому прошу поспѣшить какимъ-либо образомъ, какими-либо требованіями или заявленіями или просьбами—въ этомъ я предлагаю разобраться самимъ господамъ членамъ,—но только необходимо отвѣтить, необходимо выразить сочувствіе рабочимъ“. Представитель мо-

[1]) Род. въ 1864 г. Латышъ, автономистъ. Бывшій проф. Спб. рим.-кат. академіи.

сковскихъ рабочихъ могъ считать для себя необязательнымъ разбираться въ законахъ. Но что же сказать о томъ, что по его примѣру говорившій непосредственно послѣ него проф. деп. Гредескулъ началъ, несмотря на наставленіе предсѣдателя, свою рѣчь словами: „здѣсь внесено предложеніе о томъ, чтобы было заявлено желаніе, просьба, или требованіе—это все равно—о томъ, чтобы поспѣшили съ объявленіемъ амнистіи!“

Пренія между членами, стоявшими за включеніе амнистіи въ адресъ и тѣми, которые настаивали на немедленномъ истребованіи ея — затянулись, и уже было внесено предложеніе о прекращеніи ихъ; въ это время проф. Ковалевскій выступилъ съ своей стороны съ предложеніемъ, не дожидаясь составленія адреса, просить предсѣдателя, какъ посредника между Думою и Царемъ, личнымъ обращеніемъ къ Государю ускорить актъ помилованія. Это предложеніе было признано предсѣдателемъ *новымъ* и потому послѣ баллотировки о прекращеніи преній, которое было принято единогласно, начались новыя пренія по предложенію деп. Ковалевскаго. Противъ его предложенія ополчился самымъ энергическимъ образомъ проф. Щепкинъ. Онъ требовалъ *искреннихъ* отношеній между Думою и Верховною Властью. Амнистія испрашивается не потому, что день от-

крытія Гос. Думы является какимъ-то торжественнымъ праздникомъ, въ честь котораго нужно отпускать на волю всѣхъ заключенныхъ безъ различія ихъ вины. „Нѣтъ, мы просимъ не всепрощенія, мы просимъ не простой милости, иначе мы просили бы о ней и для простыхъ уголовныхъ преступниковъ. Мы просимъ амнистіи *принципіально*. Мы просимъ амнистіи прежде всего потому, что мы не считаемъ болѣе такъ называемыхъ политическихъ преступниковъ *преступниками*. Ихъ обвиняли въ томъ, что они стремились къ ниспроверженію существовавшаго строя, что они призывали, быть можетъ, къ вооруженному возстанію противъ этого строя. Но, господа, этого строя больше не существуетъ (*аплодисменты*), и мы пришли въ Думу для того, чтобы изгладить послѣдніе слѣды этого строя“.

Ораторъ сдѣлалъ отсюда выводъ, что члены Думы раздѣляютъ извѣстную долю отвѣтственности съ людьми, заключенными и сосланными. „Каждый изъ насъ по мѣрѣ силъ своихъ старался колебать этотъ существовавшій строй, каждый изъ насъ словомъ печатнымъ или устнымъ призывалъ все общество, весь русскій народъ къ борьбѣ противъ защитниковъ этого строя, который мы считали вреднымъ. Если наши единомышленники по пар-

тійной программѣ попадали въ тюрьму и въ ссылку, а мы оставались на свободѣ, побѣдили и попали въ Гос. Думу, то тутъ все дѣло въ различіи характеровъ, темперамента, возраста, а чаще всего случая или счастья".

Правда, ораторъ сдѣлалъ оговорку, что члены Думы, идя путемъ эволюціоннымъ, рѣзко отдѣляются отъ *такъ называемыхъ* революціонныхъ партій; но добавилъ, что они и съ ними связаны нравственной солидарностью. Они связаны съ ними трояко: признаніемъ четырехчленной формулы, принадлежностью къ одному общественному строю, который однихъ толкалъ на преступленія, другихъ на равнодушіе къ преступленіямъ—и, наконецъ, „признаніемъ *свободы мысли*". Не обмолвка ли это? Не есть ли это скорѣе отчужденіе своей мысли въ кабалу самовластной идеи?

Затѣмъ ораторъ сталъ обвинять проф. Ковалевскаго—эксперта по англійской конституціи—въ томъ, что онъ сходитъ съ почвы чисто конституціонной точки зрѣнія, „стремясь замѣнить ясное юридически-конституціонное отношеніе какими-то туманными, мистическими, таинственными общеніями души между народомъ и Верховною Властью". Проф. Щепкинъ хотѣлъ этимъ осудить „личное обращеніе къ чувству и сердцу Монарха". Съ своей стороны

онъ видѣлъ въ амнистіи лишь одинъ изъ пунктовъ *программы*, которую „мы готовимъ для всякаго министерства, желающаго разсчитывать на сочувствіе большинства Гос. Думы“.

Изъ этой программы, продолжалъ ораторъ, будетъ совершенно ясно для Верховной Власти, что по отношенію къ земельному вопросу мы „теоретически стоимъ гораздо ближе къ тѣмъ, которыхъ карали, нежели къ ихъ тюремщикамъ“. Ораторъ закончилъ словами: „Не будемъ обманывать и Верховную Власть, прикрывая значительность задачъ будущей дѣятельности какой-то слащавой улыбкой нашихъ настрадавшихся лицъ“.

Случилось такъ, что вслѣдъ за проф. Щепкинымъ говорилъ одинъ изъ заключенныхъ, выпущенныхъ передъ самымъ избраніемъ, бывшій предсѣдатель крестьянскаго союза деп. Андреановъ. Онъ также высказался противъ предложенія деп. Ковалевскаго, но не по мотивамъ проф. Щепкина, а опасаясь конфликта и его нежелательныхъ послѣдствій. „На это мы не имѣемъ права, сказалъ онъ, народъ намъ не проститъ этого. Мы сломимъ себѣ головы“. Напомнивъ слова деп. Родичева: „Не въ рѣзкости сила, а сила въ правѣ“ деп. Андреановъ продолжалъ: „Мы имѣемъ это право, но мы должны использовать его разумно, не прибѣгая къ такимъ

словамъ: „мы не боимся конфликта“; „мы требуемъ“; „мы идемъ на бой“; „за насъ стомилліонный народъ“ и т. д. Такія громкія слова имѣютъ мѣсто на митингахъ, а не въ Гос. Думѣ“. На этотъ разъ волжскій крестьянинъ, трудовикъ, можно сказать, пристыдилъ юристовъ, щеголявшихъ своей неустрашимостью передъ конфликтомъ! Однако, какой политическій хаосъ царилъ въ умахъ, обнаружилось въ дальнѣйшихъ словахъ того же Андреанова—„если наши нужды и правовыя, и земельныя, и другія не будутъ удовлетворены, то народъ принужденъ будетъ осуществить свои права силою“.

Тотчасъ послѣ этого было заявлено и принято предложеніе о прекращеніи преній.

Такимъ образомъ Гос. Дума „дала о себѣ свидѣтельство“ въ дѣлѣ объ амнистіи; она обнаружила свое воинствующее настроеніе не только въ конституціонныхъ, въ нѣкоторой степени теоретическихъ вопросахъ, но и въ такомъ жгучемъ, практическомъ вопросѣ, какъ немедленное освобожденіе заключенныхъ.

Безъ сомнѣнія, Дума не могла обойти этого вопроса не только изъ чувства жалости къ заключеннымъ, но и въ сознаніи вины многихъ изъ ея собственныхъ членовъ и отвѣтственности ихъ за революціонное движеніе и насиліе. Конечно деп. Щеп-

кинъ пересолилъ, стирая всякую грань между проповѣдниками насилія и совершавшими ихъ, между преступниками и равнодушными къ преступленію, но онъ былъ правъ, возлагая на теоретическихъ революціонеровъ вину за участь, постигшую ихъ фанатическихъ послѣдователей; онъ былъ правъ, требуя отъ счастливцевъ, попавшихъ въ Думу, освобожденія товарищей, попавшихъ въ тюрьму. И Дума имѣла полную возможность итти къ этой цѣли легальнымъ путемъ, путемъ ходатайства о помилованіи.

Но она не захотѣла итти легальнымъ путемъ; она выставила безусловное *требованіе* полной амнистіи, обставивъ это требованіе угрозами и воззваніемъ къ силѣ народныхъ массъ—къ *революціи*.

Она принесла въ жертву заключенныхъ, ибо не могла не сознавать, что такою постановкой вопроса она ставитъ правительство въ невозможность исполнить ея желаніе. Ея ораторы не понимали, что, признавая себя болѣе близкими къ тѣмъ, кого покарали, чѣмъ къ ихъ тюремщикамъ, они закрѣпляли двери тюрьмы. Ибо, грозя правительству неизбѣжнымъ конфликтомъ, они не могли ожидать, что это правительство поспѣшитъ доставить революціонному штабу — революціонную армію, раскрывъ настежь двери тюрьмы.

Дума съ рѣдкимъ единогласіемъ — несогласные молчали — держалась этого пути. Предсѣдатель, правда, остановилъ ксендза Трасуна, предлагавшаго требовать амнистію, „но не такъ круто“,—но онъ не единымъ словомъ не обмолвился по поводу „неизбѣжнаго конфликта“, о которомъ такъ развязно толковали его коллеги по каѳедрѣ.

Чѣмъ же объяснить эту не цѣлесообразную политику? Можно думать, что Дума не столько желала добиться освобожденія заключенныхъ, сколько разыграть роль; что она желала привлечь къ себѣ сочувствіе массъ, показать народу свою силу и сказать: *шахъ и матъ* правительству!

Что въ преніяхъ объ амнистіи большинство Гос. Думы обнаружило свое революціонное настроеніе, можно доказать посредствомъ такъ называемой contre épreuve. Когда обсуждался въ Гос. Думѣ абзацъ, касавшійся амнистіи, деп. Стаховичъ сталъ говорить объ отвѣтственности, лежащей на Государѣ въ вопросѣ о дарованіи амнистіи,—о томъ, что онъ „отвѣтитъ Богу за всякаго замученнаго въ застѣнкѣ, но и за всякаго застрѣленнаго въ переулкѣ“, и что ему надо помочь дать желанный отвѣтъ. Надо сказать, что цѣль амнистіи положить конецъ братоубійственной войнѣ. „Надо непремѣнно доказать, что въ этомъ Гос. Дума будетъ своему Государю

порукой и *опорой*. Въ виду этого деп. Стаховичъ предложилъ Гос. Думѣ выразить твердую надежду, что съ установленіемъ конституціоннаго строя прекратятся политическія убійства и другія насильственныя дѣйствія, которымъ Дума высказываетъ самое рѣшительное осужденіе, считая ихъ оскорбленіемъ нравственнаго чувства народа и самой идеи народнаго представительства.

Это предложеніе не встрѣтило, однако, сочувствія. Мало того, въ распоряженіи Гос. Думы было легкое средство заглушить голосъ справедливости и политическаго благоразумія, звучавшій въ предложеніи орловскаго депутата—молча забаллотировать его предложеніе. Но большинство этимъ не ограничилось. Изъ его рядовъ три оратора говорили противъ осужденія политическихъ убійствъ и другихъ насильственныхъ дѣйствій.

Деп. Ломшаковъ полагалъ, что „не намъ здѣсь выносить какіе бы то ни было приговоры и осужденія, это дѣло народной совѣсти, дѣло единаго суда — суда присяжныхъ“. Депутатъ смѣшивалъ моральное осужденіе, которое имѣлъ въ виду г. Стаховичъ, съ судебнымъ приговоромъ.

Безконечно лилась рѣчь деп. Родичева: „Если бы здѣсь была церковная каѳедра, то тогда, конечно, могъ бы и долженъ бы раздаваться призывъ

такого рода, какъ вы услышали здѣсь, но мы— законодатели, господа! Наше ли дѣло выносить нравственное осужденіе поступковъ". И тутъ же, въ противорѣчіи съ собою, депутатъ съ ожесточеніемъ клеймилъ „преступленія должностныхъ лицъ". А затѣмъ: „мы, народное представительство, мы не исповѣдуемся передъ властью, а мы говоримъ: таковы условія нашей и вашей дѣятельности. На общую работу и утвержденіе права, справедливости и свободы (?) мы положимъ наши силы. Но мы ихъ положимъ и на борьбу съ торжествующимъ до сихъ поръ насиліемъ! (*Взрывъ аплодисментовъ*). И другихъ словъ мы сказать не должны".

„Почувствовалъ потребность возразить члену Гос. Думы Стаховичу" и черниговскій деп. Шрагъ [1]). „Нѣтъ, не можемъ мы, господа, осуждать тѣхъ, которые жизнь свою положили за други своя!" Деп. Шрагъ заявилъ, что онъ „не сторонникъ политическихъ убійствъ", и въ то же время сталъ оправдывать убійцъ тѣмъ, что они не только жертвы ужаса, всѣми переживавшагося. „Я скажу болѣе, они жертвы невольныя, жертвы, которыя, идя на то, что съ формальной стороны называется пре-

---

[1]) Род. въ 1847 г. Уч. въ Черн. г., Спб. и Кіевскомъ ун. Прис. пов. Съ 1875 г. сост. глас. Черн. Думы и зем. Дѣят. членъ украинско-демокр. радик. парт., много лѣвѣе партіи „нар. своб.».

ступленіемъ, быть можетъ, мучились, страдали, ибо имъ противны всѣ насилія, противно посягательство на жизнь человѣка". „Они шли на это, какъ на подвигъ, на борьбу". Неужели вы, господа, вынесете осужденіе тѣмъ, многіе изъ которыхъ уже сдѣлались народными героями?" Но развѣ это было возраженіе депутату Стаховичу? Развѣ этотъ депутатъ предлагалъ кому-нибудь отречься отъ своихъ союзниковъ? Онъ предлагалъ Гос. Думѣ при вступленіи ея на путь политической свободы высказаться противъ политическихъ насилій и убійцъ— въ будущемъ подъ знаменемъ свободы!

Депутатъ Стаховичъ еще разъ говорилъ съ убѣдительнымъ краснорѣчіемъ въ пользу своего столь же гуманнаго, сколько политически важнаго предложенія. Онъ возразилъ своимъ оппонентамъ, что недостаточно все копаться въ прошломъ; надобно подумать и высказаться о будущемъ теперь, чтобы оно не повторяло прошлаго ни съ какой стороны. Онъ взывалъ къ состраданію къ жертвамъ политическихъ убійствъ, павшихъ при исполненіи своего долга. Онъ указалъ, что за три мѣсяца было убито 671 русскихъ гражданина—изъ этого числа было 13 высшихъ чиновниковъ, болѣе или менѣе отвѣтственныхъ, но 658 городовыхъ, кучеровъ, сторожей, ни въ чемъ неповинныхъ.

Какъ очевидецъ, ораторъ прославлялъ мужество воиновъ, ходившихъ подъ самый ужасный огонь и еще большую храбрость, нужную для того, чтобы въ ложементахъ мучительно ожидать смерти. И съ этими храбрецами ораторъ справедливо сравнивалъ „государевыхъ вѣрныхъ слугъ“, день за днемъ несшихъ на своемъ посту свою тяжелую, опасную службу. „И я не имѣю права,—воскликнулъ ораторъ,—вспомнить объ этихъ лицахъ? Мы не должны высказать требованіе, чтобъ этого больше не было, не должны осуждать поступка? Нѣтъ, я увѣренъ, что какъ бы ни было ничтожно число членовъ Думы, которые здѣсь со мной согласятся, я увѣренъ, что огромное число русскаго народа скажетъ, что пора осудить политическія покушенія. Русскій народъ скажетъ, что въ будущей Россіи нѣтъ мѣста для проповѣди насилій и убійства, нѣтъ культа, требующаго живыхъ жертвъ. Русскій народъ скажетъ, что это не борьба, что это не служеніе ему и его благу, это—душегубство, и онъ его не хочетъ“.

Но политика фанатизма была глуха и слѣпа. Поправка деп. Стаховича была отвергнута.

Сколько было однако ходульнаго и лицемѣрнаго въ этомъ фанатизмѣ,—раскрыла слѣдующая поправка, высказанная виленскимъ депутатомъ еписко-

помъ Роопомъ, предложившимъ обратиться къ народу съ требованіемъ, чтобы среди него водворилось опять уваженіе къ жизни и собственности другихъ гражданъ. Здѣсь уже не было тѣни осужденія тѣхъ, въ комъ хотѣли видѣть народныхъ героевъ; это предложеніе относилось преимущественно къ сельскимъ погромщикамъ и къ экспропріаторамъ банковъ. Но и эта поправка была отвергнута.

При голосованіи этой поправки гр. Гейденъ предложилъ баллотировать ее *поименно*. Это вызвало долгія пререканія, во время которыхъ нѣсколько членовъ большинства Думы заявили, что они не боятся высказать свое мнѣніе. Тѣмъ не менѣе предложеніе о баллотировкѣ было отвергнуто, а меньшинству предложено заявить о своемъ несогласіи секретарю—по способу, принятому въ германскомъ Рейхстагѣ.

Такимъ образомъ адресъ въ редакціи комиссіи былъ принятъ въ часъ пополуночи пятаго мая—какъ велѣлъ записать предсѣдатель, *единогласно*—а 8 мая 34 члена Гос. Думы подали ея секретарю заявленіе о своемъ согласіи съ поправкой, внесенной М. А. Стаховичемъ къ пункту объ амнистіи въ отвѣтномъ адресѣ. Могла ли Дума, подавшая этотъ адресъ, дать Россіи свободу и мирное обновленіе?

Библиотека

Того-же автора

ПРОДАЮТСЯ

въ магазинахъ НОВАГО ВРЕМЕНИ:

Первая Русская Государственная Дума. Второе изданіе. Ц. **50** к.

О Конституціи и Парламентаризмѣ въ Россіи. Ц. **10** к.

О программѣ партіи „Народной Свободы“. Ц. **15** к.

ВЪ СКЛАДѢ КАРБАСНИКОВА

(*Москва.—Моховая*).

Общинное землевладѣніе. В. Герье и Б. Чичерина. 1878.

Идея Народовластія и Французская Революція 1789. В. Герье. Москва, 1902 г.

Ц. 40 к.